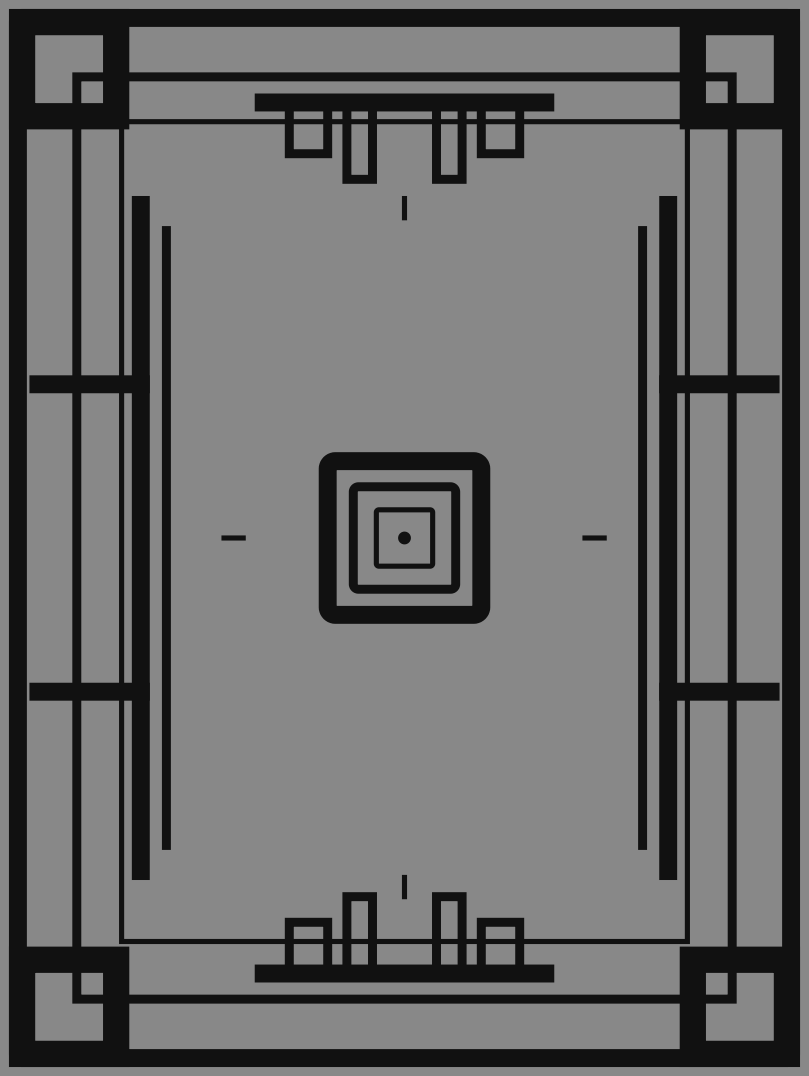

Федра

Жан Расин

Аннотация
Жан Расин. Федра. (Phedre)
ПРЕДИСЛОВИЕ
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ
ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ
ПРИМЕЧАНИЯ

Аннотация

Трагедия, сюжет которой заимствован Расиным у Еврипида. Трагедия, первоначально носившая заглавие «Федра и Ипполит», была впервые представлена в Бургундском отеле 1 января 1677 г. Шедевр Расина окончательно утвердил свои права на парижской сцене. Тогда же вышло и первое издание пьесы. Заглавие «Федра» появилось лишь в собрании трагедий Расина в 1687 г.

Жан Расин
Федра
(Phedre)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вот еще одна трагедия, сюжет которой заимствован у Еврипида. При том, что в развитии действия я следовал пути несколько иному, чем упомянутый автор, я позволил себе обогатить мою пиесу всем, что в его пиесе кажется мне наиболее ярким. Будь я ему обязан одной лишь общей идеей характера Федры, и то бы я мог сказать, что благодаря ему создано едва ли не самое значительное из написанного мною для театра. То, что этот характер имел столь выдающийся успех во времена Еврипида и что его столь же хорошо принимают в наше время, меня ничуть не удивляет, ибо ему присущи свойства, коих Аристотель требует от героев трагедии, дабы эти герои могли вызвать сострадание и ужас[1].

В самом деле, Федра ни вполне преступна, ни вполне невиновна. Судьба и гнев богов возбудили в ней греховную страсть, которая ужасает прежде всего ее самое. Она прилагает все усилия, чтобы превозмочь эту страсть. Она предпочитает умереть, нежели открыть свою тайну. И когда она

---

[1] Комментарии: 1

… Аристотель требует… сострадание и ужас. — Ср. «Поэтика», гл. XIII.

вынуждена открыться, она испытывает при этом замешательство, достаточно ясно показывающее, что ее грех есть скорее божественная кара, чем акт ее собственной воли.

Я даже позаботился о том, чтобы Федра менее вызывала неприязнь, чем в трагедиях древних авторов[2], где она сама отваживается обвинить Ипполита. Я полагал, что в клевете есть нечто слишком низкое и слишком отвратительное, чтобы ее можно было вложить в уста царицы, чувства которой к тому же столь благородны и столь возвышенны. Мне казалось, что эта низость более в характере кормилицы, у которой скорее могли быть подлые наклонности[3] и которая, впрочем, решилась на клевету лишь во имя спасения жизни и чести своей госпожи. Федра же оказывается замешанной в этом только по причине своего душевного смятения, в силу которого она не владеет собой. Вскоре она возвращается, чтобы оправдать невиновного и объявить истину. У Сенеки и у Еврипида Ипполит обвинен в

[2] Комментарии: 2

… в трагедиях древних авторов… — Еврипида и Сенеки.

[3] Комментарии: 3

…могли быть подлые наклонности… — Характерное для литературы классицизма проявление иерархического мышления, отмеченное с неодобрением уже романтической критикой (А. В. Шлегель).

том, что он якобы совершил насилие над мачехой: «Vim corpus tuli»[4]. У меня же он обвиняется лишь в том, что намеревался это сделать. Я хотел избавить Тесея от заблуждения, которое могло бы уронить его в глазах зрителей[5].

Что касается характера Ипполита, то, как я обнаружил, древние авторы упрекали Еврипида[6], что он изобразил своего героя неким философом, свободным от каких бы то ни было несовершенств. Поэтому смерть юного царевича вызывала скорее негодование, чем жалость. Я почел нужным наделить его хотя бы одной слабостью, которая сделала бы его отчасти виноватым перед отцом, нисколько при том не умаляя величия души, с коим он щадит честь Федры и, отказываясь ее обвинить, принимает незаслуженную кару. Под этой слабостью я понимаю любовь, которую он не в силах подавить, любовь к Арикии, дочери и сестре заклятых врагов его

---

[4] Комментарии: 4

«Силой овладел телом» (лат.).

[5] Комментарии: 5

…уронить его в глазах зрителей. — Обманутый муж, «рогоносец», был чисто комедийной фигурой, несовместимой с достоинством высокого жанра — трагедии.

[6] Комментарии: 6

…древние авторы упрекали Еврипида… — Этот упрек содержится в «Комментариях к Поэтике Аристотеля» П. Веттори (1573); на полях книги сохранились пометки Расина.

отца.

Это действующее лицо, Арикия, отнюдь не выдумано мною. У Вергилия сказано, что Ипполит, будучи воскрешен Эскулапом, женился на ней и имел от нее сына[7]. Я читал и у других авторов[8] о том, что Ипполит отправился в Италию с женой, юной афинянкой знатного происхождения по имени Арикия, и что по ее имени назван один итальянский городок.

Я ссылаюсь на источники, дабы показать, что я старался неукоснительно придерживаться мифа. Точно так же, повествуя о Тесее, я следовал за Плутархом[9]. У него я вычитал, что событием, породившим предание, будто Тесей спустился в Аид, чтобы похитить Прозерпину, было странствие героя в Эпир, к истокам Ахерона[10], во

---

[7] Комментарии: 7

У Вергилия сказано… и имел от нее сына. — «Энеида», кн. VII, ст. 761—769.

[8] Комментарии: 8

… у других авторов… — Скорее всего речь идет о «Картинах Филострата», вышедших во французском переводе в 1615 г

[9] Комментарии: 9

… за Плутархом. — «Сравнительные жизнеописания» греческого писателя Плутарха (46-120 г. н. э.) открываются историей Тесея (далее: Плутарх и номер главы). Упомянутое место содержится в гл. XXXI. Оно же рассказано и у Павсания (см. примеч. 10 к «Ифигении»).

[10] Комментарии: 10

Ахерон — река, протекающая на северо-западе Греции, в Эпире. Согласно преданию, отделяла землю от царства мертвых.

владения царя, жену которого задумал похитить Пирифой[11]; царь умертвил Пирифоя, а Тесея оставил у себя в плену. Так я старался сохранить историческое правдоподобие, не лишая миф украшений, столь плодотворных для поэзии. Слух же о смерти Тесея, основанный на этом сказочном путешествии, побуждает Федру открыться в своей любви, что становится затем главнейшей причиной ее страданий и чего она, конечно, не сделала бы, если бы думала, что супруг ее жив.

Впрочем, я не буду настаивать на том, что эта пиеса в самом деле лучшая из моих трагедий. Я предоставлю читателям и времени определить ей истинную цену. Могу только утверждать, что ни в одной из моих трагедий добродетель не была выведена столь отчетливо, как в этой. Здесь малейшие ошибки караются со всей строгостью; один лишь преступный помысел ужасает столь же, сколь само преступление; слабость любящей души приравнивается к слабодушию; страсти изображаются с единственной целью показать, какое они порождают смятение, а порок рисуется

[11] Комментарии: 11

Пирифой — царь лапифов, друг Тесея. Согласно Плутарху, он хотел похитить дочь Аида (Плутона), властителя подземного царства; согласно Павсанию — жену. Следуя в целом Плутарху, Расин выбирает здесь второй вариант как более острый в драматургическом отношении.

красками, которые позволяет тотчас распознать и возненавидеть его уродство. Собственно, это и есть та цель, которую должен ставить перед собой каждый, кто творит для театра; цель, которую прежде всего имели в виду первые авторы поэтических трагедий. Их театр был школой, и добродетель преподавалась в нем с неменьшим успехом, чем в школах философов. Вот почему Аристотель пожелал установить правила для драматического сочинения, а Сократ, мудрейший из мыслителей, не погнушался приложить руку к трагедиям Еврипида[12]. Следовало бы только пожелать, чтобы наши сочинения покоились на столь же твердых устоях и были столь же поучительны, как творения древних поэтов. Быть может, это послужило бы средством для того, чтобы примирить с трагедией многих прославленных своим благочестием и твердостью своих убеждений особ[13], осуждающих трагедию в наши дни. Они, без сомнения, отнеслись бы к ней

---

[12] Комментарии: 12

…приложить руку к трагедиям Еврипида. — Сведения об этом имеются у греческого автора Диогена Лаэртского (III в. н. э.) в его «Жизнеописаниях и мнениях прославившихся в философии», кн. II.

[13] Комментарии: 13

…прославленных… твердостью своих убеждений особ… — Имеются в виду янсенисты, резко выступившие в конце 50-х годов против театра (подробнее см. в статье).

более благосклонно, если бы авторы заботились столько же о поучении своих зрителей, сколько об их развлечении, следуя в этом истинному назначению трагедии[14].

[14] Комментарии: 14

… следуя в этом истинному назначению трагедии. — Двойное назначение поэзии сформулировано Горацием в «Науке поэзии» (ст. 333—334) и было подхвачено Буало.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Тесей, сын Эгея, царь афинский.

Федра, его жена, дочь Миноса[15] и Пасифаи[16].

Ипполит, сын Тесея и Антиопы, царицы амазонок[17].

Арикия, царевна из афинского царского рода.

Терамен, наставник Ипполита.

Энона, кормилица и наперсница Федры.

Исмена, наперсница Арикии.

Панопа, прислужница Федры.

Стража.

Действие происходит в пелопоннесском городе Трезене[18].

---

[15] Комментарии: 15

Минос — у Расина легендарный царь Крита, после смерти — судья в подземном царстве (ср. монолог Федры — IV, 5). Согласно некоторым греческим источникам, это были разные лица, носившие одно имя. Отец Федры, царь Крита, приходился внуком судье подземного царства, сыну Зевса.

[16] Комментарии: 16

Пасифая — жена Миноса, воспылавшая, согласно мифу, противоестественной страстью к быку. Плодом этой любви был получеловек-полубык, чудовищный Минотавр.

[17] Комментарии: 17

…Антиопы, царицы амазонок. — Амазонки, в греческой мифологии, — воинствующие девы, населявшие берега Понта Эвксинского (Черного моря). Согласно Плутарху (XXVI), Тесей, по одним источникам, получил

Антиопу в награду за храбрость от Геракла, по другим — захватил ее в плен или обманом заманил на свой корабль.

[18] Комментарии: 18

Трезен — город в Пелопоннесе, родина Тесея. Основан, согласно преданию, его дедом по матери Питфеем (Плутарх, III).

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ипполит, Терамен.

ИППОЛИТ

Решенье принято, мой добрый Терамен:
Покинуть должен я столь милый мне Трезен.
Могу ли примирить души моей тревогу
С постыдной праздностью? О нет, пора в дорогу!
Полгода уж прошло, как мой отец, Тесей,
Исчез и о себе не подает вестей.
Исчез! Как знать, где он? И след его потерян.

ТЕРАМЕН

Царевич, где же ты искать его намерен?
Чтоб твой развеять страх, я, в поисках царя,

И вдоль и поперек избороздил моря,

Волнующиеся к закату и восходу[19]

От места, где стоит Коринф. Тебе в угоду

Был там, где Ахерон свой мрачный бег стремит

И пропадает вдруг, низвергнувшись в Аид;

В Элиде побывал; с волной и ветром споря,

*Проник за Т**е**нарон*[20] *и обогнул то море,*

Где смерть нашел Икар[21]*, – Тесея нет нигде!*

Где ж будешь ты искать – на суше, на воде?

Кто знает, где его скрывает мир бес-

---

[19] Комментарии: 19

…моря, волнующиеся к закату и восходу… — Ионийское и Эгейское моря.

[20] Комментарии: 20

Тенарон — мыс на юге Пелопоннесского полуострова.

[21] Комментарии: 21

… то море, где смерть нашел Икар. — Юго-восточная часть Эгейского моря. Согласно мифу, Икар взлетел на крыльях из воска, слепленных его отцом Дедалом. Когда он приблизился к солнцу, воск растаял и юноша упал в море, названное греками морем Икара.

крайний?

Что, если сам Тесей приют свой держит втайне?

Что, если в дни, когда мы за него дрожим,

Сей славный муж, опять любовью одержим,

Укрылся с новою подругою своею?...

ИППОЛИТ

Молчи! Я требую почтения к Тесею!

Ты низменных причин тут не ищи. О нет,

Давно покончил он с грехами юных лет,

И Федре незачем соперниц опасаться.

Но здесь я долее не в силах оставаться.

Уйдя на поиски, свой долг исполню я

И этот край сменю на дальние края.

ТЕРАМЕН

Вот как! Ужель тебе земля постыла эта?

Земля, где ты провел младенческие лета!

Тот мирный уголок, который с давних пор

Ты полюбил, презрев Афины, шумный двор!

Я мнил, тебе Трезен вовеки не наскучит.

Открой, что здесь тебя пугает? Или мучит?

ИППОЛИТ

Дни счастья позади. Мир изменил свой лик,

Когда нежданный нас удар судьбы постиг

И воцарилась здесь, в родимом нашем крае,

*Она – дочь М**и**носа, она – дочь Пасифаи.*

ТЕРАМЕН

Да, злая мачеха, – лишь ты предстал пред ней, —

Добилась: из Афин тебя изгнал Тесей.

Но эта ненависть, могу ручаться смело,

Коль не прошла совсем – намного осла-

бела.

И чем тебе грозить могла бы Федра впредь?

Она полумертва и жаждет умереть.

Таинственный недуг, – назвать его не хочет

Царица никому, – грызет ее и точит.

Ей свет не мил. Не жди ты от нее вреда.

ИППОЛИТ

Мне не страшна ее напрасная вражда.

Для бегства моего причины есть другие…

*Я вынужден бежать от юной Арик**и**и,*

Последней в том роду, что враждовал с моим[22].

ТЕРАМЕН

Ужели, Ипполит, ты так неумолим?

---

[22] Комментарии: 22

…что враждовал с моим. — Арикия — дочь Палланта, брата Эгея. Ее братья (паллантиды) претендовали на афинский престол, так как Эгей долгое время считался бездетным. Когда Тесей явился к отцу и был объявлен наследником престола, паллантиды подняли мятеж против него как чужестранца и незаконнорожденного. Тесей разгромил и уничтожил паллантидов (Плутарх, XIII).

Сестрою приходясь коварным Паллантидам,

Причастна ли она к давнишним тем обидам?

Возможно ль, чтобы к ней ты ненависть питал?

ИППОЛИТ

Ах, если б ненависть! Тогда б я не бежал.

ТЕРАМЕН

Осмелюсь ли понять? Ужели ты – надменный

Царевич Ипполит, один во всей вселенной

Отринувший любовь, которой твой отец

Служил столь ревностно? Ужели, наконец,

Киприде уступив, ты сердцем стал слабее

И ей в твоих глазах дал оправдать Тесея?

Ужель и ты, кто был так строг и так

упрям,

Стал, как все смертные, курить ей фимиам?

Ужель ты полюбил?

ИППОЛИТ

К чему вопросы эти?

Мой верный друг! С тех пор, что я живу на свете,

Ты знал, как сердцем горд, суров был Ипполит,

И ждешь, что пред тобой я свой признаю стыд?

Сын амазонки я. И для тебя не новость,

Что с молоком всосал я гордость и суровость.

Когда ж я возмужал, то, сам себя узнав,

Одобрил я судьбой ниспосланный мне нрав.

Ты стал меня учить. О, как внимал тебе я,

Когда рассказывать ты начал жизнь

Тесея!

Какой ты зажигал во мне душевный пыл,

Когда о подвигах отцовских говорил:

Как он явился в мир, чтоб заменить Геракла[23],

Напомнить, что средь нас геройство не иссякло;

Как истреблял он зло. С твоих ловил я уст

Рассказ, как смерть нашли Скирон, Синид, Прокруст[24],

Как великана он сразил близ Эпидавра[25]

И как освободил он Крит от Минотав-

---

[23] Комментарии: 23

…чтоб заменить Геракла… — Ср. Плутарх, VI: «Тесея уже давно тайно волновала слава Геракла».

[24] Комментарии: 24

Скирон, Синид, Прокруст — разбойники, которых Тесей подвергнул такой же мучительной казни, на какую они обрекали несчастных путников, попадавших им в руки: Синид привязывал их к верхушкам двух согнутых сосен, которые разрывали их на части, Прокруст обрубал или вытягивал им ноги по длине ложа, на которое укладывал их; Скирон заставлял их мыть себе ноги и сбрасывал ударом ноги со скалы в море (Плутарх, VIII, IX, X).

[25] Комментарии: 25

… великана он сразил близ Эпидавра… — Убив великана Перифета,

Тесей завладел его палицей, с которой впредь не расставался (Плутарх, VIII).

ра[26]*.*

Потом рассказывать ты начал, Терамен,

Про тьму иных побед, про множество измен:

Как в Саламине он покинул Перибею[27]*,*

Как в Спарте соблазнил Елену[28] *и как с нею*

Бежал… Ах, сколько их – он сам бы счесть не мог —

Всех женщин, коих он к падению увлек,

Всех женщин, чья судьба была так безотрадна!

И слезы льющая на скалы Ариадна[29]*!*

---

[26] Комментарии: 26

… освободил он Крит от Минотавра. — Сидевший в подземном Лабиринте царя Миноса Минотавр (см. выше) пожирал юношей и девушек, которых Афины обязаны были посылать на Крит в качестве дани.

[27] Комментарии: 27

Как в Саламине он покинул Перибею… — Перибея — мать греческого героя Аякса, жена саламинского царя Теламона. Плутарх упоминает о многочисленных любовных приключениях Тесея в гл. XXIX.

[28] Комментарии: 28

Как в Спарте соблазнил Елену… — См. примеч. 8.

[29] Комментарии: 29

И слезы льющая на скалы Ариадна! — Дочь Миноса, сестра Федры Ариадна влюбилась в Тесея, когда он прибыл на Крит, чтобы сразиться с Минотавром, дала ему путеводную нить, чтобы он мог выбраться из

Лабиринта, бежала с ним и была покинута им на острове Наксос (по другой версии — на Кипре). Этот сюжет неоднократно использовался художниками и поэтами.

И Федра, из дому похищенная им!...

Но тут я не хотел внимать речам твоим:

С прекрасным не хотел я смешивать дурное,

Позорные дела – с деяньями героя.

А вдруг и мне судьба такая же грозит?

Вдруг небо для меня готовит тот же стыд?

И моему стыду не будет оправданий:

Геройских, как отец, я не свершил деяний.

Чудовищ не смирял десницей я своей, —

Могу ли я грешить так, как грешил Тесей?

А если б я отверг сомнения такие, —

Не мог бы все равно мечтать об Арикии.

Когда б в моей душе страсть подняла мятеж,

Она бы встретила незыблемый рубеж:

Запрет Тесея. Он, царевну замуж выдав,

Всегда бы видел в ней мать новых Пал-

лантидов.

Дабы зловредный ствол побегов дать не мог,

Сестру своих врагов на девство он обрек.

До гроба жить должна она в дому Тесея,

И не зажжет никто ей факел Гименея.

Могу ли преступить отцовский я запрет

И стать ослушником? Могу ли с юных лет

Я на себя взвалить любовной страсти бремя?

ТЕРАМЕН

Царевич! Если уж твое настало время,

Не надо умствовать. Родитель твой хотел

Так сделать, чтобы ты ослеп, а ты – прозрел.

Отец тебе любить не разрешил, но странно —

От этого вдвойне любимая желанна.

Нет, целомудренной не бойся ты любви.

Ты хочешь гнать ее? Нет, ты ее зови!

Любовь равняешь ты со слабостью, не так ли?

Стыдишься ты ее? Но вспомни о Геракле.

Все, кто на свет рожден, – все Афродиту чтут.

Ты, взявший на себя неблагодарный труд

Сопротивляться ей, – что бы с тобою было,

Когда бы твоя мать отца не полюбила?

Довольно громких слов, нам ни к чему они.

Все изменяется. Ты – тоже. В эти дни

Оставил, Ипполит, ты прежний свой обычай:

Давно не мчался ты, блистательный возничий,

На колеснице вдаль, суровый вид храня,

Давно не объезжал строптивого коня,

Давно не оглашал ты лес своей охотой.

Твой взор потух. Какой ты удручен заботой?

Сомнений нет: любовь! Ее тут волшебство.

Скрывая свой недуг, ты гибнешь от него.

Так – Арикия? В ней одна твоя отрада?

ИППОЛИТ

На поиски отца отправиться мне надо.

ТЕРАМЕН

Но прежде, чем уйти неведомо куда,

Не свидишься ли ты, царевич, с Федрой?

ИППОЛИТ

Да.

С ней нужно свидеться. Готов без промедленья.

Но вот Энона. О! В каком она смятенье!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Ипполит, Терамен, Энона.

ЭНОНА

О, горе! Близится ее последний час.

К царице смерть идет. Я не смыкаю глаз,

Забочусь лишь о ней, стараний не жалея, —

Напрасно все. Она день ото дня слабее.

Упорно от меня скрывает, чем больна.

Таинственный недуг ее лишает сна,

Ей помрачая ум и душу ей тревожа.

Вот и сейчас – тоска ее сорвала с ложа:

Свет солнца нужен ей. И мне мой долг велит

Просить вас…

ИППОЛИТ

Ухожу. Противен ей мой вид.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ [30]

Федра, Энона.

ФЕДРА

---

[30] Комментарии: 30

Явление третье. — Большая часть этого явления имеет текстуальные совпадения с «Ипполитом» Еврипида.

Я здесь остановлюсь, Энона, на пороге,
Я обессилела. Меня не держат ноги.
И света яркого не вынести глазам.
Увы!...

ЭНОНА

Бессмертные! Ужель к людским слезам
Вы равнодушны? Нет в вас жалости нимало?

ФЕДРА

О, эти обручи! О, эти покрывала!
Как тяжелы они! Кто, в прилежанье злом,
Собрал мне волосы, их завязал узлом
И это тяжкое, неслыханное бремя
Недрогнувшей рукой мне возложил на темя?
Здесь заговор! Меня решили извести!

ЭНОНА
(в сторону)

Мутится ум ее.

(Федре.)

Но, госпожа, прости,

Себя велела ты одеть и – через силу —

Пошла отдать привет небесному светилу.

Вот солнце! Вспомни же – стремилась ты к нему.

А увидав его, вновь прячешься во тьму?

ФЕДРА

О лучезарное, державное светило,

Чьей дочерью себя надменно объявила

Мать Федры[31]*! За меня краснеешь ты сейчас?*

Увы, я на тебя гляжу в последний раз.

ЭНОНА

Как! Не оставила ты устремленья злого?

От жизни отвратясь, все снова ты и снова

Пророчествуешь мне о гибели своей?

ФЕДРА

---

[31] Комментарии: 31

Чьей дочерью себя надменно объявила мать Федры! — Пасифая — дочь бога солнца Гелиоса.

О, быть бы там, в лесу, следя из-за ветвей,

Как по ристалищу несется колесница,

Вздымая легкий прах…

ЭНОНА

Что? Ты о чем, царица?

ФЕДРА

Безумная! О чем я говорю? Где я?

Где разум мой? Куда умчалась мысль моя?

Зачем, бессмертные, вы к Федре так жестоки?

Смотри, Энона, – стыд мои румянит щеки:

Тебе открылся мой мучительный позор,

И слезы пеленой мне застилают взор.

ЭНОНА

Уж если от стыда краснеешь ты, царица, —

Лишь скрытности своей могла бы ты стыдиться.

Напрасны наши все заботы, все мольбы:

Отвергнув их, ты ждешь конца своей судьбы.

Но что тебе грозит? Хотела бы понять я,

Что сушит жизнь твою? Отрава? Иль заклятье?

Уж трижды небосвод во мгле вечерней гас,

Но сон не освежал твоих усталых глаз;

Уж трижды видел мир дня нового начало,

Но с непреклонностью ты пищу отвергала.

Ты жизни собственной прервать решила нить?

Богов-зиждителей ты хочешь оскорбить?

Предательски обет нарушить хочешь брачный?

Подумай наконец о будущности мрачной

Твоих детей. Кому доверишь ты сирот?

Тому, кто случая давно такого ждет,
Чтобы отнять права у твоего ребенка.
Тому, кого тебе на горе Амазонка
На свет произвела! И твой заклятый враг,
Надменный Ипполит…

ФЕДРА

О боги!

ЭНОНА

Ах, вот как!
Задела я тебя упреками своими?

ФЕДРА

Несчастная! Ты чье назвать посмела имя?

ЭНОНА

Я вижу, госпожа прогневалась? Ну что ж,
Пусть имя недруга тебя бросает в дрожь.
Быть может, этот гнев вернет царицу к жизни.

Живи! Ты жить должна, чтоб трон в своей отчизне

Наследовал твой сын. Ты жить должна! Живи

Во славу прав своих, и долга, и любви!

Живи, чтоб скифское отродье[32] *без пощады*

Не растоптало цвет и гордость всей Эллады!

Но дорог каждый миг. Надеждой вдохновись!

И тлеющий костер огнем взметнется ввысь!

ФЕДРА

Нет, жизнь греховная и так уж слишком длится.

ЭНОНА

Как! Угрызения томят тебя, царица?

Какая же, скажи, гнетет тебя вина?

Нет на твоих руках кровавого пятна.

---

[32] Комментарии: 32

...скифское отродье... — По преданию, амазонки принадлежали к скифскому племени.

ФЕДРА

Я преступлением не запятнала руки.

Но сердце… сердце… В нем причина этой муки!

ЭНОНА

Какой же замысел вынашиваешь ты,

Что сердцу мочи нет от смертной маеты?

ФЕДРА

И так я многое сказала – через силу.

Я умереть должна, чтоб тайну взять в могилу.

ЭНОНА

Ну что же, умирай, молчание храня.

Но правду ты должна услышать от меня:

Тебе своей рукой глаза я не закрою.

Опередив тебя, поспешною стопою

Сойду я в мир теней, – ведь там не заперт вход,

И скорбь моя туда кратчайший путь найдет.

Иль ты боишься мне довериться? Ужели?

Подумай: я тебя качала в колыбели,

Отчизну кинула из-за тебя, детей —

И сомневаешься ты в верности моей?

ФЕДРА

Признанье у меня ты вымогаешь страстно,

Но тайной овладеть страшись: она ужасна!

ЭНОНА

Пусть! Самый для меня невыносимый страх,

Что можешь умереть ты на моих глазах.

ФЕДРА

И даже уступив расспросам столь упорным,

Я все равно умру – умру с пятном позорным.

ЭНОНА

Как умолить тебя? Скажи мне, гос-

пожа!

Ослепшая от слез, от ужаса дрожа,

Целую я твои ослабшие колени.

Избавь рассудок мой от тяжких подозрений!

ФЕДРА

Встань!

ЭНОНА

Не страшись! Ведь мы с тобой наедине.

ФЕДРА

Что ей скажу? С чего начну?

ЭНОНА

Доверься мне!

ФЕДРА

О, рок! О, ненависть жестокой Афродиты!...

Вовеки на земле не будут позабыты

Безумства, к коим страсть мою толкнула мать.

ЭНОНА

Царица, замолчи! Не будем вспоминать.

ФЕДРА

Обманута своей любовью безоглядной
Была моя сестра. Что сталось с Ариадной?...

ЭНОНА

О госпожа! Зачем ведешь ты скорбный счет?
Зачем ты принялась порочить весь твой род?

ФЕДРА

Несчастный этот род богиней проклят гневной[33].
Последняя в роду, судьбой своей плачевной
Всем показать должна я Афродиты власть.

ЭНОНА

---

[33] Комментарии: 33

... богиней проклят гневной. — В трагедии Сенеки (I, ст. 129—135) Федра объясняет ненависть Афродиты ко всему ее роду тем, что Гелиос, отец Пасифаи, открыл любовную связь Арея (Марса) и Афродиты ее супругу Гефесту.

Ты любишь?

ФЕДРА

Лютая меня терзает страсть!

ЭНОНА

К кому?

ФЕДРА

Узнаешь все. Дрожа и негодуя,

Услышишь ты… Люблю… Не вымолвить… Люблю я…

ЭНОНА

Кто он?

ФЕДРА

Он – тот, чей был так нестерпим мне вид, —

Сын Амазонки…

ЭНОНА

Как!… О боги! Ипполит?

ФЕДРА

***Ты** имя назвала.*

ЭНОНА

Ужель! О, стыд! О, горе!

О, род, погрязнувший в злосчастье и позоре!

Зачем, зачем мы здесь? Не надо было нам

И близко подплывать к зловещим берегам!

ФЕДРА

Давно уже больна ужасным я недугом.

Давно… Едва лишь стал Тесей моим супругом

И жизнь открылась мне, исполненная благ,

В Афинах предо мной предстал мой гордый враг.

Я, глядя на него, краснела и бледнела,

То пламень, то озноб мое терзали тело,

Покинули меня и зрение и слух,

В смятенье тягостном затрепетал мой дух.

Узнала тотчас я зловещий жар, разлитый

В моей крови, – огонь всевластной Афродиты.

Умилостивить я пыталась божество:

Я ей воздвигла храм, украсила его:

Куря ей фимиам, свершая жертв закланья,

Я мнила, что она смягчит мои страданья.

Но тщетно было все – и фимиам, и кровь:

Неисцелимая пришла ко мне любовь!

Я, вознося мольбы богине Афродите,

Была погружена в мечты об Ипполите.

И не ее – о нет! – его боготворя,

Несла свои дары к подножью алтаря.

Я стала избегать его. Но все едино:

В чертах отца – увы! – я находила сына!

Тогда решилась я восстать против себя,

И, страсть преступную насильственно губя,

Любимого врага преследовать я стала.

Роль злобной мачехи искусно разыграла:

Упреки, жалобы – им не было конца,

И вынужден был сын покинуть дом отца.

Уехал он, – и тут настало облегченье:

Дни мирно потекли, ушло мое смятенье.

От мужа утаив, что наш несчастлив брак,

Усердно я блюла супружеский очаг,

Воспитывала я детей своих прилежно…

О, рок безжалостный!… Борьба с ним безнадежна!

В Трезен, куда была мной сослана любовь,

Привез меня мой муж. Открылась рана вновь.

В крови пылал не жар, но пламень ядовитый, —

Вся ярость впившейся в добычу Афродиты.

Какой преступницей, каким исчадьем зла

Я стала для себя самой! Я прокляла

И страсть, и жизнь свою. Я знала: лишь могила

Скрыть может мой позор; я умереть решила.

Вняв просьбам и слезам твоим, тебе во всем

Призналась я теперь. И я не каюсь в том.

Но зная, что на смерть осуждена я роком,

Ты не тревожь меня ни стоном, ни упреком,

Не отговаривай, не вздумай помешать

И гаснущий костер не тщись раздуть опять.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Федра, Энона, Панопа.

ПАНОПА

О госпожа, прости! Мне довелось явиться

С известьем горестным к тебе. Узнай,

царица,

Что смертью взят наш царь и твой супруг, Тесей.

Об этом ведомо уже Элладе всей.

ЭНОНА

Как! Что ты говоришь, Панопа?

ПАНОПА

Я сказала, —

Пусть госпожа не ждет царя. Его не стало.

Вошедшие сейчас к нам в гавань корабли

Царевичу ту весть с собою привезли.

ФЕДРА

О, небо!

ПАНОПА

И теперь в волнении Афины.

О будущем царе сужденья не едины:

Те сына твоего хотят на трон возвесть,

Иные, госпожа, забыв закон и честь,

За сына пленницы стоят, за Ипполита.

Есть даже дерзкие, что говорят открыто, —

Пусть к власти будет род Палланта возвращен;

И требуют они для Арикии трон.

Мой долг был рассказать про эти все событья.

Назначил Ипполит час своего отплытья.

Явившись в пору смут, быть может, увлечет

Царевич за собой изменчивый народ?

ЭНОНА

Довольно. Ничего не надобно страшиться:

Предупреждениям твоим вняла царица.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Федра, Энона.

ЭНОНА

Уже отчаявшись тебя отговорить,

Я жизни собственной прервать хотела нить.

Но изменилось все от новой злой напасти:

Царь умер, – на тебя ложится бремя власти.

Твой сын! Ты утвердить должна его права!

Он – раб, коль ты мертва, он – царь, коль ты жива.

Над ним нависшие кто отведет угрозы?

Поддержит кто? И кто ему осушит слезы?

Он будет звать тебя, но тщетным будет зов, —

И на тебя падет проклятие богов…

Живи! И прочь гони былые угрызенья:

Ведь страсть твоя теперь – лишь страсть, не преступленье.

Смерть мужа твоего ту разорвала связь,

Из-за которой ты, себя самой стыдясь,

Хотела умереть. Разрушена преграда,

Тебе с царевичем встреч избегать не надо.

Боясь твоей вражды, быть может, госпожа,

Он стал бы в эти дни главою мятежа.

Ты разуверь его и путь закрой к измене.

Пусть он останется властителем в Трезене,

Но ведомо ему, что лишь твой старший сын

По праву может стать властителем Афин[34].

От общих недругов оплот мы с ним построим:

Ведь Арикия – враг, опасный вам обоим.

ФЕДРА

Ну что ж, послушаюсь тебя. Останусь жить,

Коль к жизни плоть мою не поздно возвратить.

---

[34] Комментарии: 34

По праву может стать властителем Афин. — Ипполит как сын скифской царицы не мог претендовать на афинский престол.

Пусть мысль, что сыну я нужна, вернет мне силы

И отведет меня от рубежа могилы.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Арикия, Исмена.

АРИКИЯ

Что говоришь ты мне? Что хочет Ипполит
Со мной увидеться? Проститься он спешит?
Ошиблась, верно, ты. Не может быть, Исмена!

ИСМЕНА

Поверь, царевна. В нем свершилась перемена,
Когда услышал он о гибели отца.
Тесея нет, – и ты влечешь к себе сердца.
Не Арикия ль здесь законная царица?
Знай, скоро вся к тебе Эллада устремится!

АРИКИЯ

Так это, стало быть, не ложь, не звук пустой?

Я больше не раба, и сгинул недруг мой?

ИСМЕНА

За братьев за твоих отмстили олимпийцы,

И ныне тени жертв встречают тень убийцы.

АРИКИЯ

Не слышала ли, как свои он кончил дни?

ИСМЕНА

Есть слухи разные. Так, говорят одни,

Что, где-то новую найдя себе подругу,

Бежал он с ней и что неверному супругу

Могилой стало дно морское. Слух другой —

Что будто бы вдвоем Тесей и Пирифой,

Дабы увидеть то, что от живых сокрыто,

Проникли в мир теней, на берега Коцита,

Вернуться ж не смогли опять на белый свет:

Кто раз туда сошел, тому возврата нет.

АРИКИЯ

Ужели на земле есть человек, способный

До смерти, заживо, проникнуть в мир загробный?

И чем Тесея мог тот страшный мир привлечь?

ИСМЕНА

Царевна, мертв Тесей, – сейчас об этом речь.

Вся знать афинская известием убита.

Трезен уже избрал на царство Ипполита,

А Федра от своих испуганных друзей

Советов мудрых ждет: ей страшно за детей.

АРИКИЯ

Не думаешь ли ты, что повелитель

новый

Добрее, чем Тесей? Что он мои оковы

Захочет облегчить?

ИСМЕНА

Конечно, облегчит.

АРИКИЯ

Ты знаешь ли, каков бездушный Ипполит?

Откуда у тебя взялась мечта пустая,

Что он, весь женский пол надменно презирая,

Окажет милость мне? Ты видела не раз,

Как уходил он прочь, едва заметив нас.

ИСМЕНА

Что он суров и горд, я знала по рассказам.

Вот почему за ним слежу я зорким глазом

И утверждать берусь, что не совсем права

О неприступности царевича молва.

Впервые увидав его с тобою рядом,

Я вмиг заметила, как под твоим он взглядом

Смутился, и скажу ему я не в укор,

Что не суровым был в тебя вперенный взор.

Да не обидится царевич непреклонный:

Хоть о любви молчал, глядел он, как влюбленный.

АРИКИЯ

Пусть оснований нет таким словам твоим,

Я жадно, сердцем всем, прислушиваюсь к ним.

Воображала ль ты, меня так долго зная,

Что скорбная душа, душа моя больная,

Которую избрал своей игрушкой рок,

Не избежит любви и всех ее тревог?

Меня, последнюю в роду, что вел начало

От матери-земли[35]*, – меня лишь не пожрала*

Кровавая война: погибли в ней мои

Шесть братьев-юношей[36]*, цвет царственной семьи.*

Коса скосила всех. С великой скорбью Гея

В себя впитала кровь потомков Эрехтея.

Строжайший объявил указ Тесей, наш враг, —

Чтоб не мечтал никто вступить со мною в брак:

Роди я сыновей, дрожал бы он от страха,

Что наш мятежный род воспрянет вновь из праха.

Ты знаешь, встретила с презреньем я каким

---

[35] Комментарии: 35

…что вел начало от матери-земли… — Отец Арикии Паллант был потомком Эрехтея, сына богини земли Геи.

[36] Комментарии: 36

…шесть братьев-юношей… — Плутарх говорит о пятидесяти паллантидах.

Указ, объявленный гонителем моим:

Я, незнакомая тогда еще с любовью,

Обрадовалась лишь Тесееву условью,

Почтя, что чистоту оно мне сохранит.

И вот передо мной явился Ипполит.

Нет, не сверкающей пленилась я приманкой,

Не красотой его, не царственной осанкой, —

Природы щедрыми дарами наделен,

Тех преимуществ сам в себе не ценит он, —

Меня душевное пленило благородство.

С прославленным отцом храня в высоком сходство,

Не унаследовал он низких черт отца.

Тем больше этого люблю я гордеца,

Что он не знал любви. Я б не могла, как Федра,

Тесеем чваниться, – любимым, что так щедро

Свою привязанность всем встречным

раздает.

Войти в то сердце, где для всех не заперт вход!

Завидной не могу почесть такую долю.

Вот если бы согнуть негнущуюся волю!

Неуязвимый дух пронзить стрелой скорбей!

Навек сковать того, что не знавал цепей!...

Победа над каким героем знаменитым

Сравнится с торжеством любви над Ипполитом?

И чем труднее путь к такому торжеству,

Тем мне ценней оно. В мечтах о нем живу!

Исмена, милая! Увы, моя отвага,

Я знаю и сама, не принесет мне блага, —

Для торжества над ним моих не хватит сил.

От гордости его, которой он мне мил,

Замучусь я. Увы! Моя судьба плачевна.

Ведь так?

ИСМЕНА

А вот он сам идет к тебе.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Арикия, Исмена, Ипполит.

ИППОЛИТ

Царевна!

Перед отплытием явился я к тебе, —

О будущей твоей уведомить судьбе.

Отец мой мертв. В душе об этом знал давно я:

Исчезновению бесстрашного героя,

Что подвигами всю потряс земную твердь,

Могла причина быть единственная – смерть.

Собрату, спутнику, преемнику Алкида[37]

Пришлось, покинув мир, сойти во мрак Аида.

---

[37] Комментарии: 37
Алкид — Геракл.

Должна признать за ним все эти имена

И ты, хотя была при нем угнетена.

Сильна моя печаль, ей не пройти вовеки.

Одно отрадно: ты свободна от опеки.

Я отменил указ. Будь полной госпожой

Над сердцем ты своим и над самой собой.

В Трезене, где на власть я все права имею,

Где предку своему наследую, Питфею,

Где избран я в цари и где мне все – друзья,

Свободной будешь ты – свободнее, чем я.

АРИКИЯ

О государь! Боюсь, что к пленнице опальной

Ты слишком милосерд. Ты жребий мой печальный

Так изменить спешишь, что мне милее плен,

Чем ожидание грядущих перемен.

ИППОЛИТ

Афинам нужен царь. Кипят умы в столице.

Кто ж назван ими? Ты, я сам и сын царицы.

АРИКИЯ

Я?

ИППОЛИТ

Ведомо тебе, что древний есть закон,

По коему, раз я не эллинкой рожден,

Мне возбраняется владеть афинским троном?

Будь мне соперником лишь брат мой, – я б законом

Мог пренебречь, его забвению предав

Во имя истинных моих, всем ясных прав.

Однако твоему я уступаю праву:

Я должен передать афинскую державу

Тебе, наследнице династии былой,

Тебе, чей предок был рожден самой зем-

лей.

Мой дед, Эгей, царю был лишь приемным сыном[38].

Тесей принес почет, могущество Афинам,

За что его царем провозгласил народ.

Отвергнут и забыт был твой злосчастный род.

Теперь там ждут тебя. Владей своей державой!

Афины распрею утомлены кровавой,

Да и сама земля устала вновь и вновь

Пить собственных детей дымящуюся кровь.

Трезен останется под властью Ипполита,

Сын Федры – в будущем он повелитель Крита[39],

Но Аттика – твоя. Туда я должен

---

[38] Комментарии: 38

Мой дед, Эгей… приемным сыном. — Плутарх (XIII) указывает, что, по некоторым версиям, Эгей был только усыновлен царем Пандионом, отцом Палланта.

[39] Комментарии: 39

…он повелитель Крита… — Сын Федры имел на это право как внук царя Миноса.

плыть,

Дабы все помыслы к тебе лишь обратить.

АРИКИЯ

Я так поражена, что не найду ответа.

Уж не во сне ли мне пригрезилось все это?

Сплю? Бодрствую? Понять не в силах ничего.

Скажи мне, государь, какое божество

Твой замысел тебе внушило? Ведь по праву

Стяжал ты громкую себе повсюду славу.

И трон – мне отдаешь? Как рада б я была

Знать лишь о том, что ты не замышляешь зла,

Что не намерен ты безжалостно и гневно

Меня преследовать…

ИППОЛИТ

Преследовать, царевна?

Зло причинить тебе? Иль, чудеса творя,

Ты не смягчила бы и сердце дикаря?

Сколь ни хулит молва мое высокомерье, —

Я женщиной рожден, не чудище, не зверь я.

О, я противился, но красота твоя…

АРИКИЯ

Как, государь?

ИППОЛИТ

Себя невольно выдал я.

Увы, рассудок мой был побежден порывом.

Но, с ожиданием покончив терпеливым,

Со строгих уст сорвав безмолвия печать

И сердце обнажив, я должен продолжать.

Перед тобой – гордец, наказанный примерно.

Я, тот, кто отклонял любовь высоко-

мерно,

Не признавал ее началом всех начал,

Я, кто ее рабов надменно презирал,

Кто с жалостью глядел на тонущие души

В час бури, думая, что сам стоит на суше, —

Был сломлен, подчинен всеобщей был судьбе.

В смятенье изменил я самому себе.

Час пробил – и мой дух, свободный и суровый,

Смирился и надел любовные оковы.

О, сколько в прошлом мук и сколько впереди!

Полгода как живу я со стрелой в груди,

Напрасно от нее избавиться мечтая.

Ты здесь – бегу я прочь; коль нет – ищу тебя я.

Куда б я ни пошел, ты следуешь за мной:

Твой образ в заросли мне видится лесной;

Меня при свете дня, меня во мраке ночи

Запретная мечта терзает все жесточе...

Стараюсь избегать я сердца госпожу,

И что же – сам себя в себе не нахожу:

Душа занятьями былыми тяготится, —

Забыты скакуны, забыта колесница,

Не мчусь за зверем я с копьем наперевес,

И только вздохами я оглашаю лес...

Я напугал тебя признаньем неумелым?

Иль ты пристыжена тобой свершенным делом?

Поймала ты в свою пленительную сеть

Добычу странную. Есть от чего краснеть.

Да, страсть моя дика, слова просты. Что нужды!

Ты вспомни, что язык любви – язык мне чуждый.

Не смейся надо мной. Моя бессвязна речь,

Но знай, – лишь ты могла любовь во мне зажечь.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Арикия, Исмена, Ипполит, Терамен.

ТЕРАМЕН

Царевич, следует сюда за мной царица.

Ей нужен ты…

ИППОЛИТ

Я?

ТЕРАМЕН

Что в ее уме таится,

Не знаю. Про отъезд прослышав близкий твой,

Желает перед тем поговорить с тобой.

ИППОЛИТ

Что Федре я скажу? К чему ее мне видеть?

ТЕРАМЕН

Отказом можешь ли сейчас ее обидеть?

Пусть много претерпел ты от ее вражды,

Но каплю жалости яви к ней в час беды.

ИППОЛИТ
(Арикии)

Перед отплытием с тобой не жду я встречи.

Какой мне дашь ответ на пламенные речи?

Захочешь ли принять дар сердца и души?

АРИКИЯ

Плыви, мой господин. Что обещал – сверши:

Признать владычество мое склони Афины.

Отвергнуть этот дар нет у меня причины.

Но знай, вновь возводя меня на трон отцов:

Трон – не щедрейший дар из всех твоих даров.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ипполит, Терамен.

ИППОЛИТ

Все ли готово, друг? Сейчас придет царица.

Ступай же на корабль, вели поторопиться.

Распоряжения отдай и приходи, —

От этой тяготы меня освободи.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Федра, Ипполит, Энона.

ФЕДРА
(Эноне)

Вот он!... Вся кровь на миг остановилась в жилах

И к сердцу хлынула... И вспомнить я не в силах

Ни слова из того, что нужно мне ска-

зать.

ЭНОНА

Но ты должна спасти свое дитя, – ты мать!

ФЕДРА
(Ипполиту)

Ты покидаешь нас? Не сетуй на докуку,
Но я к твоим скорбям свою прибавлю муку:
За сына я боюсь! Лишился он отца.
Увы, недолго ждать и моего конца.
Вокруг него – врагов завистливая свора,
И только ты ему защита и опора.
Но мысль ужасная мой угнетает дух:
Что к жалобам его останешься ты глух,
Что, ненавидя мать, – а есть тому причина, —
Свой справедливый гнев обрушишь ты на сына.

ИППОЛИТ

Так низко поступить, царица, я б не

мог.

ФЕДРА

О, ненависть тебе не ставлю я в упрек:
Ты от меня терпел обиды и гоненья.
Но сердца моего ты знал ли побужденья?
С тобою рядом жить была не в силах я,
И ты отправлен был в далекие края;
Я говорила всем и тайно, и открыто:
Пусть отделят моря меня от Ипполита.
На самом имени твоем лежал запрет —
И все из-за меня. Изведав столько бед,
Отмщенье мог бы ты с обидой соразмерить
И злом воздать за зло. Но можешь мне поверить,
Что, пораженная несчастьем, я скорей
Достойна жалости, а не вражды твоей.

ИППОЛИТ

Я знаю: матери живут всегда в тревоге

За собственных детей; и если на дороге

У сына – пасынок, то мачехе он враг.

Как правило, чреват сомненьем новый брак.

Другая женщина была б на этом месте, —

Как знать, не больше б я терпел от женской мести?

ФЕДРА

По милости небес всеобщий сей закон

Не властен надо мной. Увы, мой дух смущен

Другой тревогою. И от нее не скрыться...

ИППОЛИТ

Ты раньше времени тревожишься, царица.

Быть может, твой супруг, по счастью, жив и здрав,

И боги нам его, моленьям нашим вняв,

Вернут? Достаточно у Посейдона

власти —

Любимца своего спасет он от напасти.

ФЕДРА

Двукратно не войти в обитель мертвецов.

Коль там Тесей – не жди пощады от богов.

Ты думаешь, Аид нарушит свой обычай

И алчный Ахерон расстанется с добычей?

Но что я говорю! Тесей не умер! Он —

Со мною рядом… Здесь!… В тебе он воплощен…

Его я вижу, с ним я говорю… Мне больно!

Свое безумие я выдала невольно.

ИППОЛИТ

Поистине, любовь есть чудо из чудес!

Тесея видишь ты, тогда как он исчез.

Как любишь ты!

ФЕДРА

Ты прав! Я, страстью пламенея,

Томясь тоской, стремлюсь в объятия Тесея.

Но Федрою любим не нынешний Тесей,

Усталый ветреник, раб собственных страстей,

Спустившийся в Аид, чтоб осквернить там ложе

Подземного царя! Нет, мой Тесей моложе!

Немного нелюдим, он полон чистоты,

Он горд, прекрасен, смел… как юный бог!… Как ты!

Таким приплыл на Крит Тесей, герой Эллады:

Румянец девственный, осанка, речи, взгляды, —

Всем на тебя похож. И дочери царя

Героя встретили, любовь ему даря.

Но где был ты? Зачем не взял он Ипполита,

Когда на корабле плыл к побережью Крита?

Ты слишком юным был тогда – и оттого

Не мог войти в число соратников его.

А ведь тогда бы ты покончил с Миноτавром

И был за подвиг свой венчан победным лавром!

Моя сестра тебе дала бы свой клубок,

Чтоб в Лабиринте ты запутаться не мог...

Но нет! Тогда бы я ее опередила!

Любовь бы сразу же мне эту мысль внушила,

И я сама, чтоб жизнь героя сохранить,

Вручила бы тебе спасительную нить!...

Нет, что я! Головой твоею благородной

Безмерно дорожа, я нити путеводной

Не стала б доверять. Пошла бы я с тобой,

Чтобы твоя судьба моей была судьбой!

Сказала б я тебе: «За мной, любимый, следуй,

Чтоб умереть вдвоем или прийти с победой!»

ИППОЛИТ

Опомнись! У тебя душа помрачена:

Ведь я Тесею – сын, а ты ему – жена!

ФЕДРА

Опомниться? Ты мнишь – мне память изменила?

Свое достоинство я разве уронила?

ИППОЛИТ

Тебя не понял я. Меня терзает стыд.

Но верю, что вину царица мне простит,

Хоть я и заслужил суровые упреки.

Я ухожу…

ФЕДРА

О нет! Все понял ты, жестокий!

Что ж, если хочешь ты, чтоб скорбь свою и боль

Я излила до дна перед тобой, – изволь.

Да, я тебя люблю. Но ты считать не вправе,

Что я сама влеклась к пленительной отраве,

Что
безрассудную оправдываю страсть.

Нет, над собой, увы, утратила я власть.

Я, жертва жалкая небесного отмщенья,

Тебя – гневлю, себе – внушаю отвращенье.

То боги!... Послана богами мне любовь!...

Мой одурманен мозг, воспламенилась кровь...

Но тщетно к небесам я простираю руки,

Взирают холодно они на эти муки.

Чтоб не встречать тебя, был способ лишь один,

И я тебя тогда изгнала из Афин.

Ждала я, что в тебе укоренится злоба

К твоей обидчице – и мы спасемся оба.

Да, ненависть твоя росла, но вместе с ней

Росла моя любовь. К тебе еще сильней

Влекли меня твои безвинные мученья;

Меня сушила страсть, томили сновиденья.

Взгляни – и ты поймешь, что мой правдив рассказ.

Но нет, ты на меня поднять не хочешь глаз.

Кто б из живых существ мой жребий счел завидным?

Не думай, что с моим признанием постыдным

Я шла сюда к тебе. О нет, просить я шла

За сына, чтоб ему не причинял ты зла.

А говорю с тобой лишь о тебе… О, горе!

Тобой я вся полна, и с сердцем ум в раздоре.

Что ж, покарай меня за мой преступный пыл.

Немало твой отец чудовищ истребил;

И ты с лица земли сурово и жестоко

Сотри чудовище, исчадие порока,

Тесееву вдову, томимую – о, стыд! —

Любовью к пасынку! О, пусть твой меч пронзит

Ей сердце грешное, что жаждет искупленья

И рвется из груди к мечу, орудью мщенья!

Рази!... Иль облегчить моих не хочешь мук?

Иль кровью мерзкою не хочешь пачкать рук?

Что ж, если твоего удара я не стою,

И не согласен ты покончить сам со мною, —

Дай меч свой!...

ЭНОНА

Госпожа! Что делаешь? Постой!...

Сюда идут. Ужель позор откроешь свой

Ты при свидетелях? Бежим! Бежим скорее!...

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Ипполит, Терамен.

ТЕРАМЕН

Кто это так спешит уйти? Вдова Тесея!

И, ей сопутствуя, верней, ее влача,

Энона?... Что с тобой? Как бледен!... Без меча!

ИППОЛИТ

Бежим, мой Терамен! Ужасное открытье!

Я страшен сам себе. Как мог предположить я,

Что Федра... Но мой долг – забыть... О боги!... Нет, —

Пусть тайна мрачная не выползет на свет.

ТЕРАМЕН

Коль хочешь плыть, – корабль готов надуть ветрила.

Но знай, что выбор свой столица объявила:

Старейшины Афин согласны все в одном, —

Что должен в Аттике сын Федры стать царем.

ИППОЛИТ

Сын Федры?

ТЕРАМЕН

Посланный явился из столицы,

Дабы державные бразды вручить царице.

ИППОЛИТ

О боги! Ведомо вам все. Так что ж, она

За добродетели свои награждена?

ТЕРАМЕН

Меж тем неясный слух опять блуждает в мире:

Что будто жив Тесей, что будто он в Эпире.

Но я его искал. Пустая это речь.

ИППОЛИТ

И все ж мы слухами не смеем пренебречь.

До их источника, коль будет то возможно,

Добраться мы должны. Когда ж изве-

стье ложно,
То в путь, дабы мое усердье помогло
Короной увенчать достойное чело!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Федра, Энона.

ФЕДРА

Зачем мне почести? Тщеславию чужда я.
Зачем, опять о них твердя, надоедая,
Неволишь ты меня? Хочу я одного:
Не говорить ни с кем, не видеть никого.
От слов, мной сказанных, я корчусь, как от боли.
Мой ужас выпущен наружу. Он на воле!
А как, как слушал он, жестокий Ипполит!
Как ускользнуть хотел! Как долго делал вид,
Что не понять ему... Понять же удостоив,
Как густо покраснел, мой этим стыд удвоив!

Зачем к небытию ты мне закрыла путь?

Когда себе вонзить хотела меч я в грудь,

Он разве побледнел? Он вырвал ли оружье

Из рук моих? Бровей бесстрастных полукружья

Не дрогнули. И меч назад он взять не смог:

Моим касанием был осквернен клинок.

ЭНОНА

Ты упиваешься тоской, тебя гнетущей,

Не гасишь ты огонь, но раздуваешь пуще.

Но вспомни, что в тебе кровь М_и_носа течет.

Ты обретешь покой среди иных забот.

Неблагодарный! Пусть он прочь бежит бесславно.

Ты царствуй! Управляй страной самодержавно.

ФЕДРА

Увы! Мне – царствовать? Мне – управлять страной?

Когда мой слабый ум не управляет мной!

Когда над чувствами своими я не властна!

Когда едва дышу! Когда желаю страстно

Лишь смерти!

ЭНОНА

Уезжай!

ФЕДРА

Нет сил расстаться с ним.

ЭНОНА

Однажды изгнан был указом он твоим.

ФЕДРА

То время позади. Оно не возвратится.

Стыдливой гордости перейдена граница:

Уже про свой позор сказала я ему,

Надежды слабый луч уже прорезал тьму.

Когда уж был готов мой дух расстаться с телом,

***Ты** – льстивой хитростью, **ты** – настояньем смелым,*

*Во мне желанье жить **ты** пробудила вновь,*

Взманила ты меня надеждой на любовь.

ЭНОНА

Несчастиям твоим я иль не я виною, —

Мне только бы тебя спасти, любой ценою.

Но как беспамятны влюбленные сердца!

Ужель забыла ты презренье гордеца?

И взгляд, где не было сочувствия ни тени,

Хоть ты пред ним едва не пала на колени?

Все эти мелочи забыты, прощены?

Когда б ты поглядеть могла со стороны!...

ФЕДРА

Ты за бесчувственность судить его не вправе:

Он переменится. Воспитанный в дубраве,

Он дик, как дикий лес. Кто говорил в глуши

Ему о нежности? Касался струн души?

Быть может, Ипполит молчал от удивленья?

Ведь слышал в первый раз он страстные моленья…

ЭНОНА

По матери он – скиф; дикарство тут в крови.

ФЕДРА

Пусть скифянкой рожден, он все же – плод любви!

ЭНОНА

Отверг он женский пол, не хочет с ним и знаться.

ФЕДРА

Ну что ж, не нужно мне соперниц опа-

саться.

Молчи! Не отвратишь любовную напасть:

Мой ум безмолвствует, повелевает – страсть.

В неуязвимую для стрел любви твердыню

Поищем путь иной... Задеть его гордыню?

Да!... Нет сомнения, что он честолюбив.

Намерений своих ни от кого не скрыв,

Он снарядил ладьи и плыть готов к Афинам.

Что ж, коль я захочу, – он станет властелином.

Ступай, – сверканием державного венца

Прельсти и зачаруй младого гордеца.

Пусть на его челе красуется корона.

А мне не почести, мне нужен он, Энона!

Ненужную мне власть я передам ему.

Заменит пусть отца он сыну моему,

Научит властвовать. Скажи ему открыто:

Отныне сын и мать во власти Ипполита.

Испробуй все. Ищи, где послабей броня.

Скорей послушает тебя он, чем меня.

Все обещай – все мной одобрено заглазно.

Проси! Настаивай! Раскинь силки соблазна!

Пусти рыданья в ход, и вопли, и мольбы!

Ступай! Я буду ждать решения судьбы.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Федра.

ФЕДРА

Как я унижена! Каким стыдом покрыта!

Что ж, празднуй надо мной победу, Афродита.

Попали стрелы в цель – они в моей груди.

Так сжалься надо мной! Довольно! Пощади!

Иль новых жаждешь ты триумфов, Афродита?

Тогда всю мощь свою обрушь на Ипполита:

Вот кто твой лютый враг, вот кто неуязвим

Досель для стрел любви; пред алтарем твоим

Кощунственных колен не преклонив доныне,

Не хочет он и знать о сладостной богине.

Отмсти ему за нас с тобой. Пусть он, любя…

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Федра, Энона.

ФЕДРА

Как! Ты вернулась? Он… не выслушал тебя?

ЭНОНА

Ты страсть греховную должна забыть, царица.

Пусть в сердце чистота былая возродится.

Тесей, которого оплакивали, – жив.

Он скоро будет здесь. Дворец твой окружив,

Народ приветствует прибытие владыки.

Я шла к царевичу. Вдруг радостные клики…

ФЕДРА

Супруг мой жив… Молчи! Напрасных слов не трать.

Любовь, которую должна была скрывать,

Открыла я. Он жив. Ты все уже сказала.

ЭНОНА

Но, госпожа…

ФЕДРА

Тебе я с самого начала

Предсказывала все. Ты спорила со мной.

За слабость заплачу я дорогой ценой:

Когда б не поддалась твоим я уговорам,

Я с честью б умерла, – теперь умру с позором.

ЭНОНА

Умрешь?

ФЕДРА

О, небеса!... Сейчас придет сюда

Мой муж, с ним – сын его. И моего стыда,

Паденья моего ужасного свидетель

Увидит, как жена, живая добродетель,

На мужа изольет тот нежных чувств поток,

Которым пасынок надменно пренебрег!

Ты думаешь, что из сыновнего почтенья

Не скажет он отцу об этом преступленье?

Что даст он мачехе бесчестить царский трон?

Что скрыть, как я ему мерзка, сумеет он?

Да если бы и так! Ведь мне самой известно

Мое предательство. Нет, я не так бесчестна,

Как те искусницы, что, ловко скрыв свой грех,

Глядят с невинностью бестрепетной на всех[40].

Позор моей любви, позор моей измены

Меня преследует. Мне мнится, эти стены

Должны заговорить, когда войдет Тесей,

И остеречь его: «Не верь жене своей!»

---

[40] Комментарии: 40

Нет, я не так бесчестна… на всех. — Мемуарист XVII в., друг Буало, Бросетт рассказывает, что первая исполнительница роли Федры, знаменитая актриса Шанмеле решительно отказалась произнести эти строки на первом представлении трагедии, будто бы состоявшемся в Версале в присутствии короля и его фаворитки Монтеспан. Однако в другом месте тот же Бросетт называет местом первой постановки Бургундский отель. Рассказанный им анекдот свидетельствует скорее о том, как сама публика воспринимала некоторые места из трагедий Расина. Вряд ли возможно предположить здесь сознательный намек на отношения короля и Монтеспан, которая покровительствовала Расину и, в частности, содействовала его назначению придворным историографом в том же 1677 г.

Смерть! Вот прибежище от всех моих несчастий.

И страшно ль умереть, когда душа во власти

Таких ужасных мук? Нет, смерть мне не страшна...

Не запятнала б лишь мне имени она...

О, сыновья мои! Ужель я ваше детство

Сгублю, свой черный стыд оставив вам в наследство?

Кровь Зевса в них течет. Ужели суждено,

Чтоб материнский грех, как грязное пятно,

Отметил их навек? Ужель они однажды

Услышат, от какой неутолимой жажды

Погибла я? И грех, что совершила мать,

Детей заставит взор стыдливо потуплять?...

ЭНОНА

Все так и сбудется. И сетованья эти

Оправданы: за грех стыдом заплатят дети.

Зачем же, госпожа, зачем, детей губя,

Решила донести ты на саму себя?

Пойдет молва, – молве доступна разве жалость? —

Что Федра грешница, что мужа убоялась…

И знай: кто будет рад, так это Ипполит, —

Смерть Федры все его рассказы подтвердит.

Как обвинения его смогу отвесть я?

Как защитить твою мне память от бесчестья?

Коль всем и каждому, повсюду и везде

Начнет рассказывать он о твоем стыде,

Мне что ж – ему внимать с тоскою бессловесной?

Нет, лучше пусть меня гром поразит небесный!

Признайся мне – твой жар ужели не угас?

Ужели дорог он тебе и посейчас?

ФЕДРА

Нет, он чудовище! Мне вид его ужасен!

ЭНОНА

Ты знаешь – он твой враг. И этот враг опасен.

Зачем же ты врагу уступишь торжество?

Нет, первой нападай и обвини его

В своем же собственном, столь тяжком прегрешенье.

Все, все против него. Все: и твое смятенье,

И меч, по счастью им оставленный тебе,

И то, что некогда царь, по твоей мольбе,

Изгнал его…

ФЕДРА

О нет, я клеветать не стану!

ЭНОНА

Я все скажу сама, а ты молчи… К обману

Прибегну, совести наперекор своей.

О, встретить легче бы мне тысячу смертей!

Но как тебя спасти? Нет способа другого!

Энона для тебя на все, на все готова.

Я все скажу царю. Я верю, что Тесей

Отмстит обидчику за честь жены своей,

Но лишь изгнаньем: он, свое карая чадо,

Останется отцом. Тревожиться не надо.

Но если даже кровь прольется… Что ж, тогда

Обезопасим честь свою мы навсегда.

О, честь! Нет ничего дороже во вселенной!

Иди на все, дабы сберечь сей дар бесценный.

Чтоб честь была твоя без пятнышка

для всех,

И добродетелью пожертвовать не грех…

Чу!… Кто сюда идет?… Тесей!

ФЕДРА

Он с Ипполитом…

Погибла я! С каким презреньем неприкрытым

Враг на меня глядит. Вверяюсь я тебе.

Я позаботиться не в силах о себе.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Федра, Энона, Тесей, Ипполит, Терамен.

ТЕСЕЙ

Итак, настал конец гоненьям рока злого.

Я вновь могу обнять…

ФЕДРА

Молчи, Тесей! Ни слова!

Нет, слышать не могу я ласковых речей.

Не стою я любви и нежности твоей.

Ты оскорблен. К тебе я подойти не смею.

В твое отсутствие нанесть удар Тесею

Через его жену рок злобный захотел.

Скрываться ото всех – вот мой теперь удел.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Тесей, Ипполит, Терамен

ТЕСЕЙ

Не странную ль жена мне оказала встречу,

Мой сын?

ИППОЛИТ

Отец, тебе на это не отвечу.

Откроет тайну пусть сама твоя жена.

Но просьба, государь, есть у меня одна:

От твоего двора позволь мне удалиться,

Дабы со мною впредь не виделась царица.

ТЕСЕЙ

Ты нас покинешь, сын?

ИППОЛИТ

С ней встреч я не искал.

Когда причалил встарь ты у Трезенских скал.

И, перед тем как вновь уйти на зов стихии.

Мне о своей жене и с ней об Арикии

Заботы передал, я стал защитник им.

Но при дворе ужель я так необходим?

Отец! Чем юность я свою ознаменую?

Не все же тешиться, гоняя дичь лесную;

Ужели не найду достойней цели я

Для острых стрел своих, для своего копья?

В мои лета уж ты одерживал победы:

Уже чудовища, злодеи, людоеды

Тесеевой руки почувствовали мощь.

Уже с прибрежных скал, из придорожных рощ

Всю нечисть вымел ты, – и путник безопасно

Шел там, где раньше смерть грозила ежечасно;

Геракл, узнав о том, что совершил Тесей,

Смог отдых наконец дать палице своей.

А я, твой сын, когда сравняюсь в славе звонкой

Хотя бы с матерью моею, с Амазонкой?

Дозволь и мне, отец, пуститься в славный путь!

И коль чудовище найдется где-нибудь,

Не истребленное в былые дни Тесеем,

Тогда вернусь к тебе с почетным я трофеем —

Со шкурой чудища. А коль паду в бою, —

Пусть в Ипполите мир признает кровь твою.

ТЕСЕЙ

Что слышу? В дом войдя, здесь, на его

пороге,

Я застаю родных в смятенье и тревоге.

Все разбегаются. Коль я так страшен всем,

Зачем вы, небеса, спасли меня? Зачем?

Испытанный мой друг, мой друг единый в мире,

В жену властителя, что царствовал в Эпире,

Влюбившись пламенно, решил ее украсть.

Хоть безрассудную не одобрял я страсть,

Мне помогать ему велел союз наш дружный.

Судьба нас предала. И в путах, безоружный,

Я видел, как погиб несчастный Пирифой.

Я слышу до сих пор чудовищ лютых вой —

Им друга моего царь отдал на съеде-

нье[41].

Меня же изверг тот обрек на заточенье.

Томился в темной я щели, в краю теней,

Полгода. Небеса во благости своей

Мне дали ускользнуть от бдительности стражей.

Тотчас же на дворец обрушился я вражий.

Чудовищ накормил я мясом их царя

И поспешил домой, богов благодаря.

Но мог ли встречу я предполагать такую?

Я к сердцу всех прижать хочу, душой ликую…

Увы, рассыпались мои надежды в прах.

Все в ужасе! И сам я ощущаю страх,

Увидев бледные, испуганные лица.

Мой дом страшней, чем та, эпирская темница.

---

[41] Комментарии: 41

Им друга моего царь отдал на съеденье. — Согласно Плутарху (XXXI), Аид, властитель подземного царства, отдал Пирифоя на съедение чудовищному псу Церберу.

От Федры узнаю, что оскорблен. Но кем?

И за меня никто не отомстил? Ты нем!

Ответа у чужих мне домогаться надо?

Ужель так мало мне обязана Эллада,

Что в ней нашел приют мой враг? А сын – молчит!

Не заодно ли уж с врагом, мой Ипполит?

Что ж медлю я? Войду – и все мои сомненья

Пусть Федра разрешит: какое оскорбленье

Тесею нанесли и кто его нанес?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Ипполит, Терамен

ИППОЛИТ

О, ужас!... Что она ответит на вопрос?

Ужель признается в своей постыдной страсти?

На самое себя обрушит все напасти?

О, небеса! Как царь поступит? Что нас ждет?

Ужель любовный яд погубит весь наш род?

Я сам – каким я был и стал каким теперь я?

И я не оправдал отцовского доверья:

Люблю я ту, кого любить запрещено.

Что будет? Странно мне: ужель любить грешно?...

Но надобно спешить. Найдя удобный случай,

Отцу откроюсь. Царь, суровый и могучий,

Какую б ни имел над подданными власть,

Не властен погасить в моем он сердце страсть.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Тесей, Энона

ТЕСЕЙ

Позор!... Предательство!... О, страшное известье!

Мне, своему отцу, готовил он бесчестье!

Меня преследует неумолимый рок.

Что делать мне?... Как быть?... Я духом изнемог...

Вот благодарность мне за нежные заботы!

Постыдный замысел! Презренные расчеты!...

И чтобы гнусную свою насытить страсть,

С оружием в руках осмелился напасть!

Я этот меч узнал. Он был подарен мною,

Но разве для того, чтобы служить разбою?

Как надругался он, бессовестный злодей,

Над узами родства! И в доброте своей,

Щадя насильника, мне Федра не сказала...

ЭНОНА

Царь, Федра не его – тебя оберегала.

Царица, видя страсть, пылающую в нем,

Объята ужасом, раздавлена стыдом; —

Узнай, о государь, – уже была готова

По воле собственной сойти в Аид, без зова,

И смертоносное блеснуло лезвее.

Но все ж успела меч я вырвать у нее.

Когда в тревоге царь, в отчаянье царица, —

Пусть и во вред себе, – могла ль я не открыться?

ТЕСЕЙ

Теперь я понял все. Злодей!... Недаром он

При нашей встрече был так бледен, так смущен.

Нет, не заметил в нем я радостного пыла,

И холодность его меня расхолодила.

Но страсть преступная давно ли в нем кипит?

Давно ли мачехе признался Ипполит?

Еще в Афинах?

ЭНОНА

Царь, ты знаешь, как царице

Хотелось, чтобы он уехал из столицы.

ТЕСЕЙ

И здесь он за свое вновь принялся, как встарь?

ЭНОНА

Тебе сказала я всю правду, государь.

Прости, но долее я быть с тобой не смею:

Царица в злой тоске, мне место рядом

с нею.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Тесей, Ипполит.

ТЕСЕЙ

О боги! Вот и он!... Кто догадаться б мог
По виду, что давно сроднился с ним порок?
Растленная душа!... Меж тем в его обличье
Видны достоинство, суровое величье...
Как узнавать людей? Ах, если б длань судьбы
Печати ставила предателям на лбы!

ИППОЛИТ

Осмелюсь ли спросить, о государь могучий,
Что на твоем челе сгустило эти тучи?
И на кого должна обрушиться гроза?

ТЕСЕЙ

Злодей! Ты мне посмел попасться на глаза?

Неслыханно! Ты – ты, змееныш ядовитый,

Ты, гнусный выродок, последыш недобитый

Чудовищ, некогда искорененных мной,

Ты, мнивший овладеть отцовскою женой,

Осмеливаешься приблизиться к Тесею?

Не лучше ль было бы коварному злодею

Бежать отсюда прочь, за тридевять земель,

Где обо мне никто не слыхивал досель?

Беги, предатель! Прочь!... И счет веди мгновеньям.

Не злоупотребляй моим долготерпеньем.

Знай, сдерживаю гнев я свой не без труда.

На мне уже и так лежит пятно стыда —

Мной порожден злодей. Свершив над ним расправу,

Свою посмертную я запятнал бы славу.

Беги! И чтоб собой не умножать числа

Мной уничтоженных исчадий тьмы и зла,

Остерегайся впредь, на миг хотя бы краткий,

Здесь появиться вновь. Беги! И без оглядки.

Чтоб не было твоей ноги в моей стране!

Исчезни навсегда! Ты ненавистен мне!...

О Посейдон! Я встарь прибрежную Элладу

Избавил от убийц и чудищ. Мне в награду

Ты волю первую мою пообещал

Исполнить, как свою. Среди эпирских скал

Томился долго я в суровом заточенье,

Однако не просил тебя о вызволенье,

Хранил заветное желанье про запас,

Как скряга – золото; все ждал – наста-

нет час…

И этот час настал! Прошу о правой мести!

Отмсти изменнику, врагу отцовской чести!

Кровавой карою за грех воздай ему —

И твой свирепый гнев как милость я приму.

ИППОЛИТ

Твоя жена винит меня в преступной страсти?

Душа раздавлена лавиною несчастий.

Столь неожиданный удар меня постиг,

Что не найти мне слов, окостенел язык.

ТЕСЕЙ

А! Ты надеялся, что Федра от смущенья

Смолчит о дерзости, о скотском вожделенье

И не отважится супруга остеречь?

Зачем же, убежав, ты ей оставил меч?

Иных не надобно наглядных доказательств.

Умней бы завершил ты цепь своих предательств,

Убив ее – она умолкла б навсегда.

ИППОЛИТ

Чужой внимая лжи, горю я от стыда.

И все же истины открыть тебе не смею

Из уважения к отцу, к царю Тесею.

Увы, понятны мне печаль и боль твоя.

Но вспомни жизнь мою. И рассуди – кто я?

Проступок должен быть предтечей преступленья:

Кто может правило нарушить без зазренья,

Нарушит и закон, когда придет пора.

Свои ступени есть у зла, как у добра.

Кто с отроческих лет известен нравом скромным,

Погрязнет ли он вдруг в разврате неуемном?

Кто целомудрен, тот не может сразу стать

Кровосмесителем. Мою припомни мать.

Рожден и выкормлен воительницей чистой,

Горжусь я тем, что я ее наследник истый.

Когда же с матерью расстался я своей,

Наставником моим мудрейший стал Питфей.

Достоинствами мне хвалиться не пристало,

Но если есть во мне и добрые начала,

Я первым среди них презренье помяну

К тому, что мне теперь вменяется в вину.

О строгости моей наслышана Эллада,

И в добром имени мне высшая награда.

Мой дух суров и горд. А сердце у меня

Едва ли в ясности уступит свету дня.

Чтоб гордый Ипполит в горячке сладострастной...

ТЕСЕЙ

Гордыня-то тебя и выдает, несчастный!

Твоей холодности причина мне ясна:

Лишь Федра горячит тебя, она одна!

Затем на прочих ты и смотришь равнодушно.

Невинная любовь – ведь это пресно, скучно.

ИППОЛИТ

О нет!... и мне пора сказать тебе, отец,

Что чистую любовь узнал я наконец.

И тут бы ты был прав, призвав меня к ответу —

За то, что полюбил я вопреки запрету,

За то, что царский твой нарушил я закон:

Я, сын твой, дочерью Палланта побежден.

Винюсь. И мне чужды желания другие,

Все помыслы мои – о юной Арикии.

ТЕСЕЙ

О, ложь! Ты грубую уловку применил:
Чтоб оправдать себя, себя ты обвинил.

ИППОЛИТ

Полгода уж, любя, с ней избегаю встреч я.
Я думал, что отца мое чистосердечье
Разубедит. Но нет, – и тут ты видишь ложь.
Быть может, от меня ты клятв ужасных ждешь?
Пусть небо и земля, пусть вечные стихии...

ТЕСЕЙ

Злодеев знаю я. Что клятвы их пустые?
Довольно! Времени напрасно не теряй,
Мне лженевинностью своей не докучай.

ИППОЛИТ

Отец, меня лжецом назвал ты многократно.
И Федра обо мне не судит столь пре-

вратно

В душе своей, как ты!

ТЕСЕЙ

В нем вовсе нет стыда!

ИППОЛИТ

Куда отправиться я должен и когда?

ТЕСЕЙ

Хоть за Геракловы столпы! – все ж слишком близко

Я буду от того, кем предан был так низко.

ИППОЛИТ

Безвинно вызвавший отцовскую вражду,

В чьем сердце, в чьей душе участье я найду?

ТЕСЕЙ

Найдешь у тех, кого приводят в восхищенье

Предательство, обман, разврат, кровосмешенье...

Возьми себе в друзья последних из людей, —

Им, верно, будет мил такой прелюбодей.

ИППОЛИТ

В кровосмешении винишь, в прелюбодействе!

Ну что же, я смолчу. Но вспомни о семействе,

К которому твоя жена принадлежит:

В ее, а не в моем роду был этот стыд.

ТЕСЕЙ

Ты забываешься! Ты опустил поводья

У ярости своей. О злобное отродье!

Беги! Не искушай отцовской доброты.

Беги! Иль будешь мной с позором изгнан ты.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Тесей.

ТЕСЕЙ

Преступный сын! Бежишь ты к смерти

неминучей,

Сам повелитель бурь, сам Посейдон могучий

Мне обещанье дал и выполнит его.

Беги! – казнящее настигнет божество!

Да, я тебя любил. Обиженный жестоко,

Я все же о тебе скорблю, скорблю глубоко.

Но мог ли я простить предателя, лжеца?

Так ни единый сын не оскорблял отца.

О боги! Вам видны страдания Тесея.

Как мог я породить подобного злодея?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Федра, Тесей

ФЕДРА

О царь! Я в ужасе стою перед тобой.

Достиг моих ушей твой голос громовой.

Пришла я у тебя вымаливать пощаду:

Сдержись, не причиняй вреда родному чаду,

Не выполняй угроз ужасных. Коль прольешь

Сыновнюю ты кровь, меня ты обречешь

За то, что я твою не удержала руку.

ТЕСЕЙ

Не бойся: крови я сыновней не пролью.

Но сила высшая отмстит за честь твою.

Услышит Посейдон, морских глубин властитель,

Мою мольбу, – и твой погибнет оскорбитель.

ФЕДРА

Что, что? Твою мольбу услышит Посейдон?

ТЕСЕЙ

Ты опасаешься, что не услышит он?

Так присоедини к моим свои моленья,

Подробней опиши мне злое преступ-

ленье

И гнев мой чересчур холодный подогрей.

Еще не знаешь ты, что мерзостный злодей

Усугубил свой грех: не совестясь нимало,

Он объявил, что ты его оклеветала,

Что страстью одержим он не к моей жене,

Но к Арикии.

ФЕДРА

Что?

ТЕСЕЙ

Так объявил он мне.

Но мог ли веру дать я отговоркам лживым?

Настигнут будет он возмездьем справедливым.

Не медли, Посейдон! Я поспешу во храм,

И покровитель мой не будет глух к мольбам.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Федра.

ФЕДРА

Ушел… Но страшное услышала я слово.
Едва потушенный, пожар пылает снова.
О!… Роковая весть обрушилась, как гром!
Я бросилась его спасать. О нем одном
Я помнила в тот миг, я о себе забыла…
Энона в ужасе рыдала и молила, —
Напрасно. Совести суровой уступив,
Я шла сюда. К чему привел бы мой порыв?
Быть может, – хоть о том, помыслив, цепенею, —
Быть может, истину открыла б я Тесею?
И вот я узнаю, что любит Ипполит,
Что любит – не меня! Что он принадлежит

И сердцем, и душой не мне, но Арикии!

О боги вечные! О боги всеблагие!...

Гордец отверг меня. И думала я так:

Он враг всем женщинам, самой любви он враг.

Но нет, есть женщина (как я узнала ныне),

Что одержала верх над этою гордыней.

Так, значит, нежное тепло и страстный зной

Ему не чужды? Он жесток ко мне одной?

А я, безумная, спасать его бежала...

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Федра, Энона.

ФЕДРА

Энона! Знаешь ли, что я здесь услыхала?

ЭНОНА

Не знаю, но страшусь, меня колотит дрожь.

Ужели до конца ты вправду доведешь
Свое намеренье? В смертельной я тревоге.

ФЕДРА

Знай: у меня была соперница.

ЭНОНА

О, боги!

ФЕДРА

Да, любит Ипполит! О, нет сомнений в том!
Надменный враг любви, гордец суровый, в ком,
Казалось, пробудить немыслимо участье,
Глухой к мольбам, к слезам, живой пример бесстрастья,
Жестокосердый тигр, – осилен, приручен.
Узнай: хранил себя для Арикии он!

ЭНОНА

Для Арикии?

ФЕДРА

О!... Иль вынесла я мало?

Но муки самой злой еще не испытала.

Все, что меня снести заставил Ипполит,

Все – страсть палящая и нестерпимый стыд,

Терзанья совести и жгучий страх разлуки, —

Все было слабым лишь предвестьем этой муки...

Меж них – любовь! А я – не знаю ни о чем!

Иль отвели глаза они мне волшебством?

Где это началось? Когда было начало?

Ты знала? Отвечай! Зачем мне не сказала?

Встречали их вдвоем? Где виделись они?

Должно быть, прятались в густой лесной тени!

Но что я? Вместе быть не всюду ль им

доступно?

Иль совесть их корит? Иль чувство их преступно?

Их страсть взаимная чиста, и перед ней —

Бескрайняя чреда незамутненных дней.

А я, как дети тьмы, отверженцы природы,

Я прятаться должна под каменные своды,

Мне избавленье даст лишь смерть, – вот мой оплот.

А в ожидании, пока она придет,

Питаюсь желчью я, слезами умываюсь.

Но на виду живу, – и вот я притворяюсь,

Я сладость горести вкушаю лишь тайком.

С отчаяньем в душе, но с поднятым челом

Величественные я принимаю позы,

Лишенная всех прав и даже прав на слезы.

ЭНОНА

Их счастьем, госпожа, не растравляй себя:

Жить будут врозь они.

ФЕДРА

Но будут жить – любя!

Ведь даже в этот миг – мне сознавать ужасно! —

Их забавляет гнев ревнивицы несчастной.

Разлука им грозит, уже близка беда,

Но все же связаны их судьбы навсегда…

О нет! И мысль одну о счастье их любовном

Встречаю с яростью, со скрежетом зубовным!

Смерть Арикии!… Смерть!… Я мужу нашепчу, —

Сестру своих врагов отдаст он палачу.

Еще опаснее сестра, чем были братья!

Палима ревностью, сумею настоять я…

Постой!… Что говорю? Лишилась я

ума?

Ревную! И хочу признаться в том сама?

Тесею? Расскажу, как при живом я муже

Горю неистовой любовью... И к кому же?

О!... Дыбом волосы встают от этих слов.

Нет, переполнилось вместилище грехов!

Я в любострастии повинна неуемном,

В кровосмешении, в обмане вероломном,

И льщу заранее я мстительность свою

Надеждою, что кровь безвинную пролью.

О!... И земля еще меня не поглотила?

И смотрит на меня прекрасное светило,

Светило, от кого произошел мой род!

И синий на меня взирает небосвод,

Откуда предкам всем божественным

видна я!

Где спрятаться?... Пусть твердь раскроется земная!...

Да, да, – бежать в Аид! Лишь там укроюсь я...

Но что я? Мой отец – ведь он там судия!

И с дрожью ужаса услышит он, как Федра,

Сошедшая с земли в ее глухие недра,

Ему поведает свой беспредельный стыд,

Злодейства, о каких не знал досель Аид.

Отец! Ты в ужасе от дочери отпрянешь

И по грехам моим искать мне кару станешь,

Какой не ведали еще в краю теней, —

Сам будешь палачом для дочери своей.

Прости! Но лютый гнев безжалостной богини

Сгубил твою семью. И сгину я в пучине

Неискупимого, ужасного стыда.

Нет, преступленье мне не принесло

плода.

Был рок враждебен мне вплоть до могилы хладной,

И в муках расстаюсь я с жизнью безотрадной.

ЭНОНА

Царица, ложный страх ты от себя отбрось.

Все ошибаются, так в мире повелось.

Напрасно на себя ты призываешь кары.

Ты любишь. Что ж, судьба! Любви всевластны чары.

Иль не слыхала ты о волшебстве любви?

Ты разве первая? Бессмертных не гневи.

Судили, видимо, так силы всеблагие:

Мы – люди, свойственны нам слабости людские.

Зачем под тяжестью любовного ярма

Так убиваешься? Ведь знаешь ты сама,

Что боги, за грехи суля нам наказанье,

Шли, как и мы, порой на прелюбодеянье.

ФЕДРА

Что слышу? О каких мне гнусностях твердят?

Ты долго ли в меня вливать свой будешь яд?

Несчастная! Меня ты искушаешь снова?

Уже была уйти из жизни я готова, —

Ты помешала мне. Сказала я прости

Своей любви, но ты пыталась нас свести.

Зачем вмешалась ты? Как смела Ипполита

Чернить перед отцом бесстыдно, ядовито?

Быть может, он умрет! Быть может, божество,

Мольбам Тесея вняв, уж обрекло его?

Уйди, чудовище! Мне мерзко быть с тобою.

Оставь наедине меня с моей судьбою.

Пусть небеса отмстят злодейке поделом!

Да будет казнь твоя вовеки образцом:

Да видят все, что ждет низкопоклонных тварей,

Потворствующих всем порокам государей,

Готовых слабости господ своих раздуть,

Готовых выровнять им к злодеянью путь!

Во гневе на дурных владык, – теперь я знаю, —

Им дарят небеса льстецов бесчестных стаю.

ЭНОНА
(одна)

Чтоб госпожу свою избавить от беды,

Я шла на все. И вот – награда за труды!

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ипполит, Арикия, Исмена.

АРИКИЯ

Как! Стало быть, отец остался в заблужденье?
Ты промолчал? С себя не снял ты подозренье
Перед лицом его неистовых угроз?
Жестокий! Если уж потоки этих слез
Тебе – ничто, и ты решил меня оставить, —
Ступай! Но хоть не дай себя ты обесславить,
Сначала защити и жизнь свою и честь —
Пусть отвратит отец божественную месть
От головы твоей. Дай отповедь царице.
Ужель ты без борьбы уступишь кле-

ветнице?

Открой Тесею все.

ИППОЛИТ

Ах! Иль не знаешь ты,

Как я оборонял себя от клеветы?

Но честь отцовская мне правоты дороже.

Не мог я запятнать родительское ложе,

Сказав всю истину. Чтоб мой отец краснел

Пред сыном? Лишь тебе я все сказать посмел —

Нет от любимой тайн. Ты знаешь все событья,

И те, что от себя предпочитал бы скрыть я.

Но не забудь, что ты мне поклялась молчать.

На милые уста я наложил печать, —

Чтоб до скончания веков они не смели

И слова проронить об этом страшном деле.

Нам надлежит вручить судьбу свою богам.

Я твердо верю в их благоволенье к нам.

И рано ль, поздно ли, но Федре нечестивой

Они свой приговор объявят справедливый.

Итак, ты поклялась, – ни слова никому.

Во всем же остальном я гневу своему

Дам волю. Вынужден бежать я из Трезена.

Беги со мной! Беги из тягостного плена, —

Здесь власть безжалостна и к истине глуха,

Здесь воздух напоен миазмами греха.

Не сразу хватятся тебя: моя опала

Все заняла умы, все души взволновала.

Не бойся! На меня ты положись вполне:

Ведь стража все еще подчинена лишь мне.

Получишь от меня друзей надежных в дар ты:

На помощь Аргоса и на поддержку Спарты

Мы можем уповать. Поведаем друзьям

О множестве обид, здесь учиненных нам.

Ужель позволим мы, чтоб Федра с юным сыном,

Дорогу преградив обоим нам к Афинам,

Присвоила права на наш наследный трон?

Вот – случай! Поспешим, – не повторится он.

Но ты колеблешься? Ужель моя отвага

Тебя страшит? Хочу я твоего лишь блага.

Я пламенем горю, ты ж холодна как лед!

Да, на тернистый путь беглец тебя зовет!

АРИКИЯ

Нет, что ты! Быть с тобой! – мне счастье только в этом,

Пусть будем изгнаны и всем забыты светом!

Но как же я могу бежать с тобой сейчас,

Коль узы брачные не связывают нас?

Я знаю – без вреда для чести, не краснея,

Могу свершить побег я из дворца Тесея:

Не в доме я родном, но у врага в плену, —

Кто бегство из тюрьмы поставит мне в вину?

Но если я решусь бежать с любимым вместе...

ИППОЛИТ

Нет, нет, ничем твоей я не затрону чести.

Узнай же до конца о замыслах моих:

Не связаны ничем в несчастиях своих,

Отныне связаны да будем мы друг с другом:

Спасаясь от врага, последуй за супругом.

Союзы брачные свершаются порой

Без свадебных пиров. За городской стеной,

Где родичей моих священные могилы,

Есть капище. Его хранят благие силы.

Произнесенный там, ненарушим обет —

Клятвопреступнику помилованья нет.

И кара за обман, известная заране, —

Крепчайшая узда для лживых обещаний.

Коль ты согласье дашь, сегодня в храме том

Торжественно свои мы судьбы сопряжем.

И бог, которому приносят жертвы в храме,

Да будет нам отцом и да пребудет с нами.

Обеты брачные произнесем свои

Пред Герой, что хранит покой и честь

семьи,

Пред целомудренной, суровой Артемидой.

Да защитит нас Зевс божественной эгидой!

АРИКИЯ

Но вот сам царь! Беги! Скорей покинь дворец!

Чтоб наших замыслов не понял твой отец,

Я задержусь на миг. Не ожидай меня ты,

Пусть только будет мне надежный провожатый.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Тесей, Арикия, Исмена.

ТЕСЕЙ

О боги! Я сюда за истиной иду.

Ужели же и здесь ее я не найду?

АРИКИЯ
(Исмене)

Все к бегству приготовь. Нам дороги мгновенья.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Тесей, Арикия.

ТЕСЕЙ

Царевна! Как твое истолковать смущенье?

Что привести могло царевича сюда?

АРИКИЯ

Он, государь, со мной простился навсегда.

ТЕСЕЙ

Во взгляде этом есть неведомая сила:

Его надменную строптивость ты смирила.

АРИКИЯ

Ну что же, истины я, царь, не утаю:

Не унаследовал он ненависть твою.

Царевич притеснять не станет невиновных.

ТЕСЕЙ

Не расточал ли он тебе речей любовных?

Его слова – обман, обеты – звук пустой.

Знай: о любви твердил он не тебе одной.

АРИКИЯ

Он, государь?

ТЕСЕЙ

А ты поверила? Напрасно.

Иль ты его любовь делить с другой согласна?

АРИКИЯ

И ты позволил, царь, чтоб злая клевета

Чернила эту жизнь, что так ясна, чиста?

Ужель, в тенетах лжи запутавшись жестоко,

Не отличаешь ты невинность от порока?

*Ведь чистота его, как солнце, всем вид-

на,

И скрыта тучами лишь от тебя она.

Не перестану, царь, рыдать и заклинать я:

Не верь клеветникам! Сними с него проклятье!

Страшись, чтоб небеса, враждебные тебе,

Не вняли тотчас же безжалостной мольбе,

Чтоб жертвой ты не стал своей же злобы ярой:

Нередко дар богов бывает божьей карой.

ТЕСЕЙ

Я убеждаюсь в том, как ловок Ипполит.

Ты мнишь спасти лжеца? Любовь тебя слепит,

Не различаешь ты порок и добродетель.

Есть доказательства, есть не один свидетель.

Я видел – видел сам! – потоки горьких слез.

АРИКИЯ

Ах!... Многим тварям злым, царь, головы ты снес,

Но все ж судьба спасла от грозного Тесея

Одно чудовище... Сказать тебе яснее

Я не вольна: твой сын решил щадить отца,

Я предала б его, сказав все до конца.

Напрасны были бы твои все настоянья:

Беря с него пример, я сохраню молчанье.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Тесей.

ТЕСЕЙ

Что б это значило? Загадочная речь!

Задумала меня на ложный след увлечь?

Ужель они меня обманывают оба?...

Но гаснет гнев во мне, и остывает злоба,

И жалость робкая свой голос подает.

Да!... Все ли я узнал? И все ли взял в расчет?

Сомнения меня волнуют непривычно...

Энону надобно мне допросить вторично,

Узнать в подробностях, что совершилось тут,

Эй, стража!... Пусть ко мне Энону приведут.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Тесей, Панопа

ПАНОПА

О царь! Не знаю, что задумала царица,

Но будь настороже: боюсь, беда случится.

В неописуемом отчаянье она.

Черты искажены, как смерть она бледна.

Энону прогнала. Та вне себя от горя

Погибель обрела в несытой бездне моря,

Быть может, поплатясь за некую вину.

Но тайна канула в морскую глубину.

ТЕСЕЙ

Что слышу?

ПАНОПА

Эта смерть не принесла царице

Успокоения. Ее душа томится.

То прижимает вдруг она к груди своей,

Слезами исходя, малюток сыновей,

То в исступлении, с безмерною тоскою

Отталкивает их дрожащею рукою.

Не ведает, куда свой направляет шаг.

В невидящих ее глазах – могильный мрак.

Три раза написать послание пыталась,

Но лишь начав, рвала… О царь! Яви к ней жалость!

Иди к ней! Гибельный уж недалек исход!

ТЕСЕЙ

Энона умерла, и Федра смерти ждет.

Что думать должен я теперь об Ипполите?

Эй!... Сына моего скорее позовите!

Пусть оправдается. Я выслушать готов.

ТЕСЕЙ
(один)

О Посейдон! Молю, на мой откликнись зов!

Свое жестокое свершить благодеянье

Не торопись! Забудь о злом моем желанье!...

Я легковерен был, спешил... И в страхе жду...

Не сам ли на себя накликал я беду?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Тесей, Терамен.

ТЕСЕЙ

А, Терамен! Но где мой сын? Ты, верно, прячешь

Питомца своего? Но что это, – ты плачешь?

Где сын?...

ТЕРАМЕН

Любовь к нему слышна в словах твоих.

Но слишком поздно, царь. Знай, – нет его в живых!

ТЕСЕЙ

О боги!...

ТЕРАМЕН

Пред тобой свидетель безутешный.

Погиб прекраснейший! Окончил жизнь безгрешный!

ТЕСЕЙ

Погиб... Уже к нему объятья я простер.

Но суд небесный был безжалостен и скор...

Скажи, какой удар обрушили стихии?

ТЕРАМЕН

Оставив позади ворота городские,

Он колесницею в молчанье управлял,

И те немногие, кого с собой он взял,

Беря с него пример, безмолвствовали строго.

Была им избрана микенская дорога.

Он вожжи выпустил. Лихие скакуны,

Что были вскормлены, что были вспоены

Царевичем, его без слова понимали, —

Брели понурые, деля его печали.

Вдруг вопль чудовищный средь мрачной тишины

Раздался – из морской возник он глубины.

И только этот вопль потряс морское лоно,

Послышалось из недр земли подобье стона.

От страха в жилах кровь застыла у людей,

И грива вздыбилась на шеях у коней.

А море между тем пузырилось, вскипая,

И вдруг на нем гора возникла водяная.

На берег ринувшись, разбился пенный вал,

И перед нами зверь невиданный предстал:

Зверь с мордою быка, лобастой и рогатой,

И с телом, чешуей покрытым желтоватой.

Неукротимый бык! Неистовый дракон!

Сверкая чешуей, свивался в кольца он

И берег огласил свирепым долгим ревом.

Застыли небеса в презрении суровом,

Твердь вздрогнула, вокруг распространился смрад,

И, ужаснувшись, вновь отпрянула назад

Волна, что вынесла чудовище из моря.

С неодолимою опасностью не споря,

Ко храму ближнему все кинулись толпой.

Но он, героя сын, сам истинный герой,

Остановил коней и твердою рукою

Метнул свое копье, да с силою такою,

Что не могла спасти дракона чешуя.

Из раны хлынула кровавая струя,

Зверь с воплем ярости, для слуха нестерпимым,

Пал под ноги коням, дохнув огнем и дымом.

Страх сверхъестественный тут обуял коней.

Они, не слушаясь ни слова, ни вожжей,

Рвались из упряжи. Царевич своевластно

Пытался их смирить, но все было напрасно, —

Лишь пена падала кровавая с удил

(Есть слух, что некий бог копьем их горячил).

И, удивляя всех галопом небывалым,

Помчались скакуны по рытвинам и скалам…

Держался Ипполит, но вдруг – сломалась ось!…

О, горе! О, зачем узреть мне довелось

Тот ужас, что теперь мне вечно будет сниться!

Разбилась вдребезги о камни колесница.

Запутался в вожжах несчастный Ипполит.

Упряжка мчится вдаль и за собой влачит

Возничего. Коней сдержать он хочет криком,

Они еще быстрей несутся в страхе диком.

И скоро юноша стал раною сплошной.

Наш вопль потряс холмы!... И бег свой роковой

Смиряют скакуны, теряющие силы,

У храма древнего, где царские могилы.

Бегу, хотя нет сил, хотя дыханья нет...

За мною – свита. Нас ведет кровавый след:

Кровь пятна яркие оставила на скалах,

Колючие кусты – в соцветьях капель алых.

Бегу к нему, зову – и слышу слабый

стон.

Открыв на миг глаза, мне руку подал он.

«Богами, – он шепнул, – наказан без вины я.

Друг, пусть в тебе найдет опору Арикия.

Когда опомнится разгневанный отец,

Когда с раскаяньем увидит наконец,

Что на меня возвел напрасно обвиненье,

То пусть, дабы мой дух нашел успокоенье,

Вернет он пленнице...» Смолк. С помертвелых губ

Слетел последний вздох: в моих руках был труп,

Труп, столь истерзанный, – ужасная картина! —

Что в нем и сам отец не распознал бы сына!

ТЕСЕЙ

Мой сын! Преемник мой! Он сгублен

мной самим!

Как страшен гнев богов, как неисповедим!...

Увы, какая скорбь, терзания какие

Мне суждены!...

ТЕРАМЕН

И тут явилась Арикия.

Бежала от тебя она за ним вослед,

Их должен был связать супружеский обет.

Она спешит к нему, гонимая любовью,

И вдруг – на залитой дымящеюся кровью

Траве (о, зрелище!) – простертый Ипполит!

Несчастная на труп испуганно глядит...

Возлюбленного в нем не распознав, не веря,

Что невозвратная понесена потеря,

Она его зовет... Увы, напрасен зов!

И, побелев как мел и упрекнув богов

Исполненным тоски невыразимой

взглядом,

Царевна падает без чувств с любимым рядом…

Исмена, вся в слезах, осталась с нею там,

Чтоб к жизни возвратить ее, – верней, к скорбям.

А я, проклявший жизнь и солнце золотое,

Пришел оповестить о гибели героя

И рассказать тебе, могучий властелин,

О чем в последний миг тебя просил твой сын…

А вот и враг его безжалостный – царица!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Тесей, Федра, Терамен, Панопа, стража.

ТЕСЕЙ

А!… Торжеством своим желаешь ты упиться!

Погиб мой первенец! Погиб в тот са-

мый миг,

Когда я пожалел… Когда в душе возник,

Увы, бесплодный страх, что суд мой был поспешным.

Ликуй же! Умер он. Виновным иль безгрешным?

Не знаю, да и знать теперь мне ни к чему.

Я обвинил его по слову твоему.

Довольно, что о нем всю жизнь скорбеть я буду,

А разбирательство послужит только к худу:

Я сына не верну – лишь горше будет мне,

Когда всплывет наверх сокрытое на дне.

Прочь от тебя, от стен, причастных к преступленью!

От стен, где будет он витать кровавой тенью!

Бежать!… Но эта тень последует за мной!

О, если бы скорей покинуть мир зем-

ной!

Я сына осудил поспешно и неправо.

Все тяготит меня, все мучит – даже слава!

Будь неизвестен я, я спрятаться бы мог.

Божественный Олимп! Как ты ко мне жесток!

Суля мне милости, привел ты к краю бездны.

Зачем взывать к богам? Моленья бесполезны.

Осыпь они меня хоть тысячами благ,

Того, что отняли, не возместят никак.

ФЕДРА

Тесей, преступное молчанье я нарушу.

Неправда мне давно обременяет душу.

Невинен был твой сын.

ТЕСЕЙ

О, горе! Горе мне!

Но сына проклял я, доверившись жене!

Убийца!... Или мнишь ты получить про-

щенье?...

ФЕДРА

О, выслушай, Тесей! Мне дороги мгновенья.

Твой сын был чист душой. На мне лежит вина.

По воле высших сил была я зажжена

Кровосмесительной неодолимой страстью.

Энона гнусная вмешалась тут, к несчастью.

Боясь, что страсть мою отвергший Ипполит

О тайне, что ему открылась, не смолчит,

Она отважилась (уговорив умело

Меня ей не мешать) на ложь. И преуспела.

Когда же я ее коварство прокляла, —

Смерть – слишком легкую – в волнах она нашла.

Могла б я оборвать клинком свои мученья,

Но снять с невинного должна я подозренья.

Чтоб имя доброе погибшему вернуть,

Я к смерти избрала не столь короткий путь.

И все ж кончается счет дням моим унылым:

Струится по моим воспламененным жилам

Медеей некогда нам привезенный яд[42].

Уж к сердцу подступил ему столь чуждый хлад,

Уж небо и супруг, что так поруган мною,

От глаз туманною закрыты пеленою, —

То смерть торопится во мрак увлечь меня,

Дабы не осквернял мой взор сиянья дня…

---

[42] Комментарии: 42

Медеей некогда нам привезенный яд. — Колхидская царевна Медея владела секретом волшебных зелий и ядов. Покинутая своим мужем Ясоном, она стала женой престарелого Эгея и пыталась заставить его поднести яд Тесею, когда тот впервые явился неузнанным к отцу.

(Падает.)

ПАНОПА

Мертва!...

ТЕСЕЙ

Но не умрет, увы, воспоминанье
О совершившемся чернейшем злодеянье.
О, мой несчастный сын! Злой рок его унес.
Пойдем! Кровавый труп омою ливнем слез
И жертву моего злосчастного проклятья
С раскаяньем приму в отцовские объятья...
Он будет погребен, по праву, как герой,
А я, чтоб дух его себе нашел покой,
Ко всей ее семье забыв вражду былую,
Его избранницу почту за дочь родную.

ПРИМЕЧАНИЯ

При подготовке настоящей книги было использовано наиболее авторитетное в текстологическом и научном отношении издание сочинений Расина: Oeuvres de Jean Racine. Ed. par P. Mesnard. Paris, 1865—1873. (Les grands ecrivains de la France).

Редакционные переводы иностранных слов и выражений даются в тексте под строкой с указанием в скобках языка, с которого производился перевод. Остальные подстрочные примечания принадлежат Расину.

ФЕДРА

Трагедия, первоначально носившая заглавие «Федра и Ипполит», была впервые представлена в Бургундском отеле 1 января 1677 г. С ее постановкой связана одна из самых громких в истории французской сцены интриг, затеянная врагами Расина (подробнее см. статью). В результате этой интриги первые спектакли не имели успеха. Но уже через два месяца шедевр Расина окончательно утвердил свои права на парижской

сцене. Тогда же вышло и первое издание пьесы. Заглавие «Федра» появилось лишь в собрании трагедий Расина в 1687 г.

В России «Федра» была впервые сыграна на петербургской сцене в переводе М. Лобанова 9 ноября 1823 г. с Екатериной Семеновой в главной роли. Из последующих исполнительниц следует назвать М. Н. Ермолову (1890) и Алису Коонен (1921).

Источниками Расина послужили «Ипполит» Еврипида и «Федра» Сенеки. Текстуальная близость к трагедии Еврипида очень велика, поэтому мы не сочли необходимым фиксировать ее во всех случаях в примечаниях. Настоящий перевод впервые опубликован в кн.: Театр французского классицизма. Пьер Корнель. Жан Расин. М., 1970. Печатается с небольшими редакционными изменениями.

В. А. Жирмунская